Черный кот

Автор:
Гилберт Честертон

Черный кот. Три орудия смерти (сборник)

Эдгар Аллан По

Гилберт Кийт Честертон

В третий том серии «Золотая библиотека детектива» вошли рассказы Э. А. По («Надувательство как точная наука», «Черный кот» и др.) и Г. К. Честертона («Загадочное исчезновение», «Три орудия смерти», «Рай для воров» и др.).

Черный кот. Три орудия смерти (сборник)

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2010

* * *

Предисловие

Третий том произведений классиков детективного жанра включает в себя новеллы Эдгара Аллана По и Гилберта Кита Честертона, ставшие признанными шедеврами мировой литературы.

Эти избранные сочинения писателей, столь непохожих и творческой манерой, и характерными особенностями личностного мировосприятия, вместе с тем

достаточно органично дополняют друг друга, представляя целостную картину многоуровневого, многогранного мира, полного ярких контрастов и тайн, подчас весьма зловещих, но неизменно волнующих воображение и пленяющих пытливые умы определенно в духе и Эдгара По, и Гилберта Честертона, несмотря на их видимую полярность. Впрочем, как известно, полюса тяготеют друг к другу…

* * *

Эдгар Аллан По (Edgar Allan Poe) родился 19 января 1809 г. в Бостоне, в актерской семье. Осиротев в трехлетнем возрасте, был усыновлен табачным торговцем Джоном Алланом, в доме которого жил до своего совершеннолетия.

Окончив школу, он поступает в Университет Вирджинии, откуда через 8 месяцев отчислен за пренебрежение уставом данного учебного заведения. Затем Эдгар По около двух лет служит в армии, после чего становится курсантом престижной военной школы Вест-Пойнт. Вскоре, однако, его исключают оттуда «за систематическое нарушение дисциплины», как гласило постановление военного суда.

Стремление игнорировать стандарты массового поведения в полной мере отразилось в трех поэтических сборниках юного По, увидевших свет в конце 20?х годов. В стихах этого периода четко прослеживается тяга к сочинению для себя, именно для себя, иной, нестереотипной жизни, к созданию новой, невиданной и немыслимой, но все же реальности, основанной на глубинных принципах бытия.

Эти стихи, как, впрочем, и следовало ожидать, не нашли признания среди читающей публики, но тем не менее их автор твердо решил стать профессиональным литератором, зарабатывая хлеб насущный журнальными публикациями.

Известность принес ему рассказ «Рукопись, найденная в бутылке», опубликованный в 1833 году на страницах «Южного литературного вестника». Вскоре Эдгар По становится редактором этого журнала.

Для того периода особенно характерны рассказы «Береника», «Морелла», «Лигейя», «Элеонора», в которых нашел достаточно своеобразное преломление образ Вирджинии, юной жены писателя.

Критика отмечала в творчестве По симбиоз буйной фантазии и неопровержимой логики. «Необыкновенные приключения некоего Ганса Пфааля» и «Дневник Джулиуса Родмена» по праву считаются дебютными произведениями научной фантастики.

Подлинным пиком литературной карьеры Эдгара По в начале 40?х годов становится знаменитая новеллистическая трилогия: «Убийства на улице Морг», «Тайна Мари Роже» и «Похищенное письмо», ознаменовавшая собой зарождение детективного жанра. Венчает этот пик стихотворение «Ворон», принесшее автору громкую и вполне заслуженную славу.

Произведения По в значительной мере проникнуты анализом природы негативных эмоций, подсознания и пограничных состояний человеческой психики, о чем достаточно убедительно свидетельствуют представленные в этом томе рассказы «Бес противоречия» и «Черный кот».

Склонность к подобного рода анализу, подчас приобретавшая характер идеи фикс, имела весьма серьезные последствия для писателя, обладавшего достаточно неустойчивой психикой. После смерти жены в 1847 году совершенно надломленный Эдгар По впал в тяжкую алкогольную зависимость, предпринял несколько попыток суицида и скончался в городской больнице 7 октября 1849 года.

За его гробом шли девять человек.

Критики наперебой упрекали этого великого писателя в увлечении алкоголем, в оторванности от обычной, стереотипной жизни и во многих других прегрешениях, прежде всего в том, что он не писал «для миллионов».

А зачем? Ведь еще древние эллины отмечали, что все общеупотребительное имеет весьма малую ценность, а великий римлянин Сенека высказался и того резче: «Одобрение толпы – доказательство полной несостоятельности». Что подтверждает вся история человечества, в том числе история литературы.

* * *

Гилберт Кит Честертон (Gilbert Keith Chesterton) родился 29 мая 1874 года в Лондоне. Окончив школу в 1891?м, учился в Художественном училище при университетском колледже.

В это время вышла в свет первая книга стихов Честертона – «Дикий рыцарь» («The Wild Knight»), которая, увы, не была увенчана ожидаемой славой. Правда, довольно скоро славу иного, достаточно скандального рода принесли молодому писателю его резкие высказывания в прессе относительно аморальности англо-бурской войны, развязанной Великобританией в 1899 году.

Полемичность, которую современники вначале приписывали юношескому максимализму, стала характерной для всех периодов творчества Честертона, так же как и его знаменитые парадоксы, основанные на столкновении фантастической экзотики со здравым смыслом.

Честертон вошел в мировую литературу прежде всего как глубокий и оригинальный мыслитель, оставивший после себя богатое наследие, где достойное место занимают и блестящие литературоведческие работы, и портреты-жизнеописания святых, и социологические исследования, и произведения художественной прозы, ставшие признанной классикой.

Он стал первым литературным критиком, подвергшим профессиональному анализу произведения детективного жанра, как и практически первым из авторов, придавшим детективной новелле ту степень полемичности и злободневности, которая до него могла быть присуща лишь проблемным статьям в прессе.

Рассказы писателя являются литературно-образным продолжением его публицистики и философских эссе, где основной проблемой является вопиющее противоречие между видимой, парадной стороной бытия и его действительной сущностью, грязной и в значительной мере преступной. Таким образом усилия героя-сыщика оказываются направленными прежде всего на устранение этого разрушительного противоречия и на восстановление нарушенной мировой гармонии.

Гилберт Кит Честертон был избран первым президентом британского Детективного клуба, основанного в 1928 году, и продолжал исполнять свои обязанности до 1936 года, пока не перестало биться его большое и благородное сердце.

В. Гитин, исполнительный вице-президент Ассоциации детективного и исторического романа

Эдгар Аллан По

Надувательство как точная наука

Гули-гули, кошки дули. Было твое, стало мое!

Со дня сотворения мира было два Иеремии. Один сочинил иеремиаду о ростовщичестве, и звали его Иеремия Бентам[1 - Иеремия Бентам (1748–1832) – английский философ и моралист. «Иеремиадой о ростовщичестве» автор называет его трактат «Защита ростовщичества» (1787). (Здесь и далее прим. перев.)]. Этим человеком премного восхищался мистер Джон Нил[2 - Джон Нил (1793–1876) – американский писатель, в своей газете «Янки» отстаивал идеи Бентама.], и в некотором смысле он был велик. Второй дал имя[3 - По в шутку подразумевает библейского пророка Иеремию, который жил в Иерусалиме и не раз предостерегал иудеев от вероломства и бесчестия.] одной из важнейших точных наук и был великим человеком в прямом смысле, я бы даже сказал, в прямейшем из смыслов.

Что такое надувательство (либо абстрактная идея, которую означает глагол «надувать»), в общем-то, понятно каждому. Тем не менее довольно сложно дать определение факту, поступку или процессу надувательства как таковому. Можно получить более-менее удовлетворительное представление о данном понятии, определив не само надувательство, а человека как животное, которое

занимается надувательством. Если бы до этого додумался Платон, он бы не стал жертвой шутки с ощипанной курицей.

Платону задали вполне справедливый вопрос: почему, если он определяет человека как «двуногое существо, лишенное перьев», ощипанная курица не является человеком? Впрочем, я не собираюсь сейчас искать ответы на подобные вопросы. Человек – существо, которое надувает, и нет ни одного другого животного, которое способно надувать. И с этим ничего не поделать даже целому курятнику отборных кур.

Если говорить по существу, сама идея, принцип надувательства является характерной чертой того класса живых существ, которые носят сюртуки и панталоны. Сорока ворует, лиса плутует, хорек хитрит, а человек надувает. Ему на роду написано надувать. «Людской удел – страданья»[4 - Название стихотворения Роберта Бернса.], – сказал поэт. Но это не так, людской удел – надувать. Таково его предназначение, его цель, его судьба. И именно поэтому, когда человек кого-то надувает, о нем говорят, что он «отпетый».

Надувательство, если рассматривать его в правильном свете, это структура, составными компонентами которой являются: мелкий масштаб, интерес, настойчивость, находчивость, смелость, бесстрастность, оригинальность, дерзость и веселость.

Мелкий масштаб. Надувала мелочен. Масштаб его действий незначителен. Дела его сводятся к наличным деньгам или чекам на предъявителя. Если он решается перейти к большему, и масштаб его действий увеличивается, такой человек сразу же утрачивает отличительные признаки и становится тем, кого мы называем «дельцом». Этот термин во всех отношениях совпадает с понятием надувательства за одним исключением – размах. Таким образом, надувалу можно рассматривать, как банкира in petto[5 - В душе, без формального подтверждения (итал.).], а его «финансовые операции» – как надувательство в Бробингнеге. Один соотносится с другим, как Гомер соотносится с «Флакком»[6 - Псевдоним американского поэта Томаса Уорда (1807–1873).], как мастодонт соотносится с мышью, или хвост кометы соотносится с хвостиком свиньи.

Интерес. Надувала преследует собственные интересы. Он с презрением относится к надувательству ради надувательства. У него есть определенная цель: карман, как собственный, так и ваш. Он всегда корыстен и заботится

только о Номере Первом. Ваш номер второй, и о себе вы должны позаботиться сами.

Настойчивость. Надувала настойчив. Его не так-то просто обескуражить. Даже если разоряются банки, это его ничуть не смущает, он продолжает упорно добиваться своих целей, и «Ut canis a corio nunquam absterrebitur»[7 - «Ты не отгонишь ее, как пса от засаленной шкуры». (Гораций. Сатиры, II, 5, 83.)], поэтому добычу свою он никогда не упустит.

Находчивость. Надувала находчив. В нем заложено большое конструктивное начало. Он полностью понимает, что происходит. Он изобретает и выдумывает. Если бы он не был Александром, он бы хотел быть Диогеном[8 - По преданию Александр Великий, встретившись с философом Диогеном, когда тот попросил его отойти в сторону, чтобы не загораживать лучи солнца, произнес: «Если бы Александр не был Александром, он хотел бы быть Диогеном».]. Если бы он не был надувалой, он был бы изобретателем крысоловок или ловцом форели.

Смелость. Надувала смел. Это отважный человек. Он может начать войну в Африке, он берет приступом. Он не испугается кинжалов Фрея Херрена[9 - Возможно, автор обыгрывает выражение Frei Herren (по-английски free-man), как в Америке в 1839–1864 гг. называли выкупленного или бежавшего с Юга раба, который жил в одном из свободных штатов.]. Хорошим надувалой мог бы стать Дик Терпин[10 - Дик Терпин (1706–1739) – знаменитый английский разбойник.], будь у него чуть больше благоразумия, или Даниел О’Коннел[11 - Даниел О’Коннел (1775–1847) – лидер либерального крыла ирландского освободительного движения.], не будь он таким подхалимом, или Карл Двенадцатый, будь у него побольше мозгов.

Бесстрастность. Надувала бесстрастен. Он не испытывает нервного волнения. У него вообще нет нервов. Он никогда не суетится. Его ничто не выводит из себя, разве что, когда его выводят за дверь. Он не теряет хладнокровия. Он всегда спокоен… «спокоен, как улыбка леди Бэри»[12 - Шарлотта Сьюзен Мария Бэри (1775–1861) – английская писательница, славившаяся своей красотой.]. Он держится просто и свободно, как старая перчатка или как девицы античного Байи[13 - Древний город близ Неаполя, место отдыха знатных римлян, известный легкостью царивших там нравов.].

Оригинальность. Надувала оригинален. Честно, без подвохов. Его мысли – это его собственные мысли. Он считает ниже своего достоинства пользоваться

чужими. Избитая хитрость ему противна. Я уверен, он вернет кошелек, если узнает, что способ, которым он его получил, не оригинален.

Дерзость. Надувала дерзок. Он держится развязно, стоит подбоченясь или засунув руки в карманы брюк. Глядя на вас, он презрительно усмехается. Он наступает на любимые мозоли. Он ест ваш обед, пьет ваше вино, занимает у вас деньги, водит вас за нос. Он может пнуть вашего пуделя и поцеловать вашу жену.

Веселость. Настоящий надувала все делает с усмешкой. Но кроме него самого, этого не видит никто. Он усмехается, заканчивая дневную работу, когда дело сделано, усмехается дома в своем кабинете и делает это для собственного удовольствия. Он идет домой, запирает дверь, раздевается, зажигает свечку, ложится в кровать, кладет голову на подушку, и на устах его появляется усмешка. Это не предположение, это истинный факт. Это следует ? priori[14 - На основании общих положений, принимаемых за истинные (лат.).], и без усмешки надувала не будет надувалой.

Можно говорить о том, что надувательство зародилось, когда человечество пребывало еще в младенчестве. Первым надувалой, возможно, был Адам. Во всяком случае, следы этой науки мы видим даже в самые ранние периоды истории. Однако современные надувалы довели ее до такой степени совершенства, которая и не снилась нашим тупоголовым прародителям. Поэтому, не отвлекаясь на «мудрость древних», я сразу перехожу к «примерам наших дней».

Вот прекрасный пример надувательства. Скажем, домохозяйке нужен новый диван. Объездив несколько мебельных магазинов, она наконец находит тот, в котором представлен самый большой выбор. У двери ее приветствует и приглашает войти вежливый и словоохотливый господин. Она находит диван по своему вкусу и, справившись о цене, приятно удивляется услышанной цифре, которая как минимум на двадцать процентов ниже той суммы, которую она ожидала. Она спешит оформить покупку, платит, получает квитанцию, называет адрес, просит доставить товар побыстрее и уходит. Не скупящийся на поклоны продавец провожает ее до самой двери. День подходит к концу, но диван так и не везут. Посылается слуга, чтобы выяснить причину задержки. Но в магазине ничего не знают о сегодняшней сделке. Никакого дивана они не продавали, и денег никто не получал… кроме надувалы, который выдал себя за продавца.

В наших мебельных магазинах обычно никого нет, и они являются прекрасным местом для подобного рода хитростей. Посетители в них заходят, смотрят на мебель, уходят, и за этим даже никто не следит. Если покупатель присмотрит товар или захочет узнать цену, у него под рукой звонок, и это считается очень удобным.

Еще один весьма ловкий способ надуть ближнего. Хорошо одетый человек заходит в магазин, совершает покупку на доллар, с досадой обнаруживает, что оставил бумажник в кармане другого пальто и говорит продавцу:

– Ничего страшного! Я ведь могу попросить доставить пакет мне домой, не так ли? Вы меня весьма обяжете. Впрочем, постойте, у меня дома, кажется, есть только пятидолларовые купюры. Да не беда, просто сразу пошлите с пакетом четыре доллара сдачи.

– Разумеется, сэр, – отвечает продавец, проникшийся предусмотрительностью своего покупателя, а про себя думает: «Другой бы на его месте просто взял свою покупку и ушел, пообещав занести доллар днем».

Посылается мальчик-курьер с пакетом и сдачей. По дороге совершенно случайно его встречает покупатель, который восклицает:

– О, это никак мой пакет? А я думал, его уже давно доставили. Ладно, несите дальше, моя жена, миссис Троттер отдаст вам пять долларов… я оставил ей указания на этот счет. Сдачу можете отдать мне, мне как раз нужна мелочь, чтобы на почту зайти. Очень хорошо! Один, два – это не фальшивый четвертак? – три, четыре… Все верно. Передайте миссис Троттер, что встретили меня по дороге. И я вас очень попрошу больше нигде не задерживаться.

Курьер и не думает задерживаться, но все же в магазин он возвращается очень нескоро, потому что… никакой миссис Троттер по указанному адресу найти ему не удается. Впрочем, утешая себя мыслью, что не такой он дурак, чтобы оставить товар, не получив за него деньги, мальчишка заходит в магазин с гордым видом и чувствует некоторую обиду и даже возмущение, когда хозяин спрашивает, что он сделал со сдачей.

Еще одно очень простое надувательство. Капитану судна, которое готовится к отплытию, некий официального вида господин вручает необычайно скромный

счет портовых пошлин. Капитан, у которого голова забита тысячей навалившихся одновременно других дел, радуясь, что удалось так легко отделаться, незамедлительно выплачивает указанную сумму. Через пятнадцать минут еще один, на этот раз не такой скромный счет, предъявляет ему человек, который вскоре убеждает капитана, что его надули, и первый сборщик был липовым.

Еще один пример из того же разряда. Пароход уже отчаливает от берега, когда в порту показывается пассажир, который мчится со всех ног к пристани с дорожной сумкой в руках. Вдруг он останавливается, наклоняется и с очень взволнованным видом что-то подбирает с земли. Это бумажник. Запоздавший пассажир кричит:

– Кто потерял бумажник?

У всех бумажники как будто на месте, но среди пассажиров возникает большое волнение, когда выясняется, что в бумажнике довольно значительная сумма. Однако отплытие нельзя откладывать.

– Мы не можем ждать, – говорит капитан.

– Господи Боже, ну задержитесь хотя бы на несколько минут, – говорит ему человек, нашедший бумажник. – Его хозяин наверняка сейчас появится.

– Семеро одного не ждут, – отвечает командир судна. – Эй вы там, отдать швартовы!

– Что же мне делать? – в волнении и растерянности восклицает запоздавший пассажир. – Я уезжаю из страны на несколько лет и не могу так надолго оставлять себе этакую сумму. Прошу прощения, сэр, – обращается он к господину на берегу, – но вы похожи на честного человека. Могу я попросить вас взять на хранение этот бумажник… я уверен, на вас можно положиться… и дать объявление о его находке? Понимаете ли, здесь очень большая сумма. Его хозяин наверняка отблагодарит вас за неудобства…

– Меня? Нет, вас! Это же вы нашли бумажник.

– Ну, если вы так считаете… Хорошо, я приму небольшое вознаграждение… Исключительно ради того, чтобы вас не мучила совесть. Посмотрим… Но тут одни сотни! Черт, я не могу взять целую сотню… Я думаю, пятидесяти вполне хватит…

– Отдать швартовы! – кричит капитан.

– Но у меня не будет сдачи с сотни. Пожалуй, будет лучше, если вы…

– Не беспокойтесь! – кричит господин на берегу, который последнюю минуту или около того роется в собственном бумажнике. – Не беспокойтесь! У меня есть полтинник… Бросайте бумажник.

И сознательный пассажир, смущаясь, с явной неохотой принимает пятьдесят долларов и бросает господину на берегу найденный бумажник. Пароход, шипя и выпуская клубы пара, отправляется в путь. Примерно через полчаса после отправления выясняется, что вместо «крупной суммы» в бумажнике лежит «кукла», и становится понятно, что все это дело – чистой воды надувательство.

А вот пример смелого надувательства. Проводится какая-нибудь лагерная встреча с проповедником – или нечто в этом роде – в месте, до которого можно добраться, только пройдя по мосту. Надувала становится на мосту и вежливо сообщает всем, кто по нему проходит, что, согласно новому указу властей графства, за проход по мосту отныне будет взиматься плата: один цент с человека, два цента с лошади и осла и так далее. Кому-то это не нравится, кто-то ворчит, но все исправно платят, и в результате надувала становится богаче на пятьдесят-шестьдесят честно заработанных долларов. Подобный обман большой группы людей – дело довольно хлопотливое.

Следующий пример можно назвать изящным. Кто-то из знакомых надувалы дает ему взаймы деньги. Заполняются обычные напечатанные красными чернилами бланки, все подписывается как положено. Затем надувала покупает пару дюжин таких бланков и каждый день берет один листок, макает в суп, дразнит им свою собаку, а потом скармливает его ей в качестве bonne bouche[15 - Лакомство (фр.).]. Когда подходит срок платежа, надувала вместе с собакой отправляется к этому знакомому и заводит разговор о выплате долга. Но едва знакомый успевает достать из escritoire[16 - Секретер (фр.).] заверенный подписями долговой бланк, как на него бросается собака и сжирает долговую расписку.

Надувала не только озадачен, но и возмущен подобным поведением своей собаки, можно сказать, даже приходит в ярость, но выражает полную готовность погасить долг, как только будут представлены доказательства его задолженности.

А вот мелкое надувательство. Некую леди на улице оскорбляет сообщник надувалы. Сам надувала спешит ей на помощь и делает вид, что задает трепку хулигану, после чего настаивает на том, чтобы на всякий случай проводить леди домой. У ее двери он, приложив руку к сердцу, вежливо прощается. Но леди приглашает спасителя зайти к ней, чтобы представить старшему брату и отцу. Со вздохом он отклоняет предложение. Тогда леди смущенно произносит:

– Сэр, могу ли я как-то иначе выразить вам свою благодарность?

– Если вы настаиваете, сударыня… Может быть, вы одолжите мне пару шиллингов?

Первым делом леди решает тотчас лишиться чувств, однако, немного подумав, все же раскрывает кошелек и достает означенную сумму. Но я бы сказал, что это очень мелкое надувательство, поскольку добрую половину полученной суммы надувала должен будет отдать тому господину, который изображал хулигана и подставлял бока под его удары.

А вот небольшое надувательство с научным подходом. Надувала заходит в буфет трактира и просит пару скруток табаку. Получив их, он окидывает взглядом свой заказ и говорит:

– Что-то не очень мне нравится этот табак. Заберите-ка его обратно, а взамен дайте стакан бренди с водой.

Бренди с водой налито, он выпивает и спокойно направляется к выходу. Однако голос хозяина трактира заставляет его задержаться.

– Сэр, по-моему, вы забыли расплатиться за бренди с водой.

– Расплатиться за бренди с водой? А разве я не отдал вам табак за бренди с водой? Что вам еще нужно?

– Но позвольте, сэр, я не припомню, чтобы вы заплатили мне за табак.

– Это что же вы хотите сказать? Разве я не вернул вам ваш табак? Разве это не он все еще лежит перед вами на стойке? Вы что же, хотите, чтобы я заплатил за то, чего не брал? Каков наглец!

– Но, сэр! – восклицает в растерянности трактирщик. – Но, сэр…

– Никаких «но», сэр, – возмущенно прерывает его надувала и, добавив: – А подобные штучки с посетителями могут для вас плохо кончиться! – хлопнув дверью, уходит.

Теперь очень умное надувательство, не последней рекомендацией которому служит сама его простота. Потерян настоящий кошелек или бумажник. Потерявший дает объявление в городской газете с его подробным описанием. Наш надувала дает точно такое же объявление, изменив заголовок, порядок слов и адрес. Например, подлинное объявление, длинное и многословное, идет под заголовком «Утерян бумажник!», и находку в нем просят доставить в дом № 1 по Том-стрит. Фальшивое объявление короче, озаглавлено «Потеря» и в нем указано, что владельца потерянного бумажника можно найти в доме № 2 по Дик-стрит или № 3 по Гарри-стрит. Далее, это объявление размещается в пяти-шести ежедневных газетах и выходит из печати всего через несколько часов после появления подлинного объявления. Если оно и попадется на глаза тому, кто на самом деле потерял бумажник, вряд ли он заподозрит связь между ним и собственным несчастьем. Но, конечно же, шансы пять или шесть к одному, что тот, кто найдет бумажник, принесет его надувале, а не истинному владельцу. Получив бумажник, наш надувала платит обещанное вознаграждение и снимается с якоря, только его и видели.

Следующее надувательство очень похоже на предыдущее. Какая-нибудь светская модница теряет на улице очень дорогое кольцо с бриллиантом. Тому, кто его найдет, она обещает сорок-пятьдесят долларов вознаграждения и в объявлении дает подробнейшее описание камня и оправы, добавляя, что вознаграждение будет выплачено тотчас и без расспросов, как только потерю доставят в такой-то дом на такой-то авеню. Дня через два в таком-то доме на такой-то авеню, когда леди нет дома, раздается звонок. Дверь открывает слуга, гость справляется о леди, но, узнав, что ее нет, немало огорчается, поскольку дело у него важное и касается самой леди. Выясняется, что ему посчастливилось найти потерянное ею бриллиантовое кольцо. Впрочем,

посетитель высказывает желание зайти в другой раз.

– Ни в коем случае! – восклицает слуга.

– Ни в коем случае! – восклицают призванные сестра и золовка леди.

После чего кольцо осматривают, шумно признают подлинным, выплачивают обещанное вознаграждение, и человек, его нашедший, чуть ли не бегом удаляется. Через какое-то время возвращается леди и выражает некоторое неудовольствие тем фактом, что ее сестра и золовка заплатили сорок-пятьдесят долларов за копию ее кольца, копию, изготовленную из томпака и стразов.

Поскольку способам надувательства нет счета, очерк этот затянется до бесконечности, если я даже захочу перечислить всего лишь половину видов или вариаций, которые допускает эта наука. Посему мне приходится заканчивать это исследование, и лучше всего будет завершить его общим рассказом о том простом, но искусно исполненном надувательстве, ареной для которого не так давно послужил наш город и которое впоследствии с таким же успехом повторилось и в других местах Штатов, где живут еще более простодушные люди.

Из неведомых краев в город прибывает степенный мужчина средних лет. В своих привычках он очень аккуратен, предусмотрителен и нетороплив. На нем добротный, но простой и неброский костюм: белый галстук, свободный жилет, покрой которого продиктован исключительно заботой об удобстве, мягкие туфли на толстой подошве и панталоны без штрипок. Больше всего он похож на основательного, преуспевающего, сдержанного и уважаемого «делового человека» par excellence[17 - Типичный, характерный (фр.).], одного из той категории суровых и непреклонных внешне, но мягких в душе людей, наподобие тех, которых мы видим в заумных комедиях, на чье слово можно положиться, и которые известны тем, что одной рукой раздают на благотворительные цели гинеи, но другой, когда доходит до деловых интересов, готовы вытрясти из человека последний грош.

Вселяясь в пансион, он успевает наделать много шума. Он не любит детей. Он привык к тишине. У него строгий распорядок дел, и он хотел бы жить у тихой, уважаемой и желательно набожной семьи. Впрочем, остальные условия его не интересуют, единственное, на чем он настаивает, это, чтобы счет ему

предоставляли первого числа месяца (сейчас второе). Выбрав наконец комнату, он просит хозяйку строго соблюдать его инструкции: счет должен предоставляться ему ровно в десять часов утра в первый день месяца, и переносить оплату на второе число нельзя ни в коем случае.

Итак, обсудив условия и договорившись с хозяевами, наш деловой человек снимает помещение под контору скорее в респектабельном, чем фешенебельном районе города. Ничто не вызывает большего отвращения у нового постояльца, чем притворство и показуха. «В том, что броско, редко можно сыскать истинную глубину», – говорит он, и изречение это оказывает такое впечатление на его хозяйку, что она даже записывает его карандашом в толстой семейной Библии, на широком поле страницы рядом с Притчами Соломона.

Следующий шаг – размещение такого объявления в главных шестицентовых деловых газетах города (одноцентовые газеты отвергаются на том основании, что они не достаточно «респектабельны», и в них требуют плату за выход объявления вперед, а наш деловой человек свято верит в то, что нечего платить за работу, пока она не выполнена):

«ТРЕБУЮТСЯ

Податели сего объявления, намеревающиеся проводить в этом городе крупные деловые операции, готовы принять на работу трех-четырех грамотных и опытных клерков, каковым будет выплачиваться значительное жалование. Желающим получить должность необходимо иметь лучшие рекомендации, в которых основное внимание следует уделить не рабочим навыкам, а честности претендента. Поскольку обязанности, которые предстоит выполнять принятым на должность, связаны с большой ответственностью и через руки сотрудников будут проходить весьма значительные денежные суммы, каждый принятый на работу клерк должен будет внести гарантийный залог в размере пятидесяти долларов. Поэтому господ, которые не готовы предоставить означенную сумму на хранение подателям сего заявления, или не имеют исчерпывающих гарантий относительно своей честности, просят не беспокоиться. Предпочтение будет отдаваться молодым людям религиозного склада ума. Заявки будут приниматься между 10 и 11 часами утра и 16–17 часами вечера, обращаться в фирму «Трах, Бах, Крах, Прах и Ко» по адресу: Швах-стрит, дом № 110».

К тридцать первому дню месяца объявление приводит в контору господ Траха, Баха, Краха, Праха и Ко около пятнадцати – двадцати молодых людей

религиозного склада ума. Но наш деловой человек не спешит заключать контракты (деловые люди вообще не любят спешки), и лишь после того как будут проведены самые строгие проверки относительно благочестия каждого из претендентов, избранные смогут приступить к выполнению обязанностей и будут выписаны расписки в получении пятидесяти долларов, которые необходимы уважаемой фирме «Трах, Бах, Крах, Прах и Ко» исключительно в качестве надлежащей меры предосторожности. Утром первого дня следующего месяца хозяйка пансиона вопреки договоренности не предоставляет счет за услуги, за что наверняка получила бы самый строгий выговор от глубокоуважаемого главы «аховой» компании, если бы что-то смогло убедить его задержаться в городе хотя бы еще на один-два дня, что дало бы ему возможность узнать о ее проступке.

Ну а пока констебли сбились с ног, бегая по всему городу, но все, что они могут сделать, – это объявить, что нашего делового человека «и след простыл», (некоторые люди воспринимают это как объявление его n. e. i.), что в свою очередь должно означать классическую фразу non est inventus[18 - «Не найден» (лат.) – отметка на повестке о невозможности ее вручения или сообщение полицейского о невозможности арестовать обвиняемого.]. Тем временем все до единого молодые люди в значительной степени утрачивают былую религиозность, а хозяйка пансиона тратит шиллинг на покупку самой лучшей резинки, чтобы стереть карандашную надпись, которую какой-то дурак оставил в толстой семейной Библии на широких полях Притчей Соломоновых.

Черный кот

История, о которой я собираюсь поведать, совершенно чудовищна и в то же время очень проста. Я не жду, что кто-то поверит, будто такое могло случиться, и не прошу об этом. С моей стороны было бы истинным безумием ожидать доверия, ибо мой собственный разум отказывается верить свидетельствам чувств. И все же я не безумен… и уж точно то, что произошло, мне не приснилось. Но завтра я умру и сегодня я хочу облегчить душу. Моя цель – в простых словах, кратко и без комментариев поведать миру о череде самых обычных событий, произошедших у меня дома. О череде событий, которые вселили в меня страх… заставили страдать… привели к гибели. Но я не стану пытаться объяснить, что произошло, ибо для меня то, что было, – неизъяснимый ужас… хотя многим это покажется не столько страшным, сколько

baroque[19 - Нелепым, вычурным (фр.).]. Когда-нибудь, возможно, сыщется интеллект, который лишит пережитое мною иллюзий… какой-нибудь более сдержанный, более логический и гораздо менее возбудимый разум, чем мой, разум, который в тех обстоятельствах, о которых я вспоминаю с трепетом, увидит всего лишь обычную череду естественных причин и следствий.

С малых лет я отличался восприимчивостью и добротой. Мое мягкосердие было столь очевидно, что я даже превратился в своего рода посмешище для друзей. Особенно я любил животных, и благодаря потакавшим мне родителям у меня всегда были домашние любимцы, с которыми я проводил почти все время, и для меня не было большего удовольствия, чем кормить их и играть с ними.
Эта особенность характера росла вместе со мной, и когда я повзрослел, животные стали для меня одним из главных источников удовольствия. Тем, кто знает, что такое любовь преданной и умной собаки, не нужно объяснять, какую радость это может приносить. В бескорыстной и самоотверженной любви зверя есть что-то такое, что не может не волновать сердце того, кто имел возможность познать жалкую дружбу и призрачную привязанность, существующие между людьми.

Женился я рано и был рад узнать, что моя супруга разделяет мое увлечение. Видя, насколько для меня важно иметь домашнего любимца, она постоянно приносила в дом разных животных. У нас были птицы, золотая рыбка, породистый пес, кролики, обезьянка и кот.

Последний был большим и удивительно красивым животным, полностью черным и невероятно умным. Что касается его ума, то жена моя, хоть суеверностью и не отличалась, не раз вспоминала о старом поверье, будто каждая черная кошка – это принявшая облик животного ведьма. Не то чтобы она когда-либо относилась к этому серьезно, и я привожу эту подробность лишь потому, что сейчас есть повод об этом вспомнить.

Плутон (так звали кота) был моим любимцем. С ним я проводил больше всего времени. Только я кормил его, и он всегда сопровождал меня, когда я ходил по дому. Более того, мне даже стоило больших трудов не давать ему следовать за мной, когда я выходил на улицу.

Эта дружба продлилась несколько лет, но за это время мой характер и нрав полностью переменились, и перемена была недоброй, причиной чему стало (хоть мне и стыдно это признавать) неумеренное пристрастие к спиртному. С каждым

днем я становился все мрачнее, все раздражительнее, меня все меньше беспокоили чувства других. Я стал позволять себе несдержанные высказывания в адрес жены. Со временем дошло даже до рукоприкладства. Питомцы мои, естественно, не могли не чувствовать, что со мной происходит. Я не только забросил их, но даже стал поднимать на них руку. Только к Плутону я сохранил уважение, не позволявшее мне обижать его, как я не моргнув глазом обижал кроликов, обезьянку и даже собаку, когда те случайно попадались мне на пути или ласкались. Но болезнь моя захватывала меня все сильнее (есть ли болезнь страшнее алкоголизма!), и теперь даже Плутон, который к тому времени уже начал стареть и сделался несколько капризен, даже Плутон начал страдать от моего испортившегося характера.

Однажды ночью, когда я сильно выпивший вернулся домой после очередной «вылазки» в город, мне показалось, что кот избегает меня. Все же я поймал его, и он, боясь, что я причиню ему боль, слегка укусил меня за руку. И тогда в меня будто вселился демон. Я перестал быть самим собой. Истинная душа моя в один миг покинула тело, и дьявольская злоба, подогреваемая выпитым джином, овладела мною. Я достал из кармана жилета перочинный нож, раскрыл его, взял несчастное животное за горло и вырезал ему один глаз. Когда я вспоминаю об этом чудовищном поступке, я сгораю от стыда, меня трясет и бросает в жар.

Наутро, когда разум вернулся ко мне, когда сон выветрил из моей головы винные пары ночной попойки, вспомнив о своем злодеянии, я испытал чувство, похожее одновременно на ужас и на раскаяние, но даже это чувство было слабым и каким-то смутным. Душа моя осталась холодна. Я снова взялся за бутылку и вскоре утопил в вине все воспоминания об этом поступке.

Со временем кот медленно пошел на поправку. Пустая глазница, правда, выглядела ужасно, но боли он, похоже, уже не испытывал. Он как и раньше разгуливал по всему дому, но, о чем нетрудно догадаться, едва заметив меня, тут же убегал в страхе. Какая-то частица прежнего меня еще сохранилась в моем сердце, поэтому очевидная неприязнь, которую теперь испытывало ко мне существо, раньше меня так любившее, поначалу очень печалила меня, но вскоре это чувство уступило место раздражению. А потом, словно в подтверждение моего окончательного упадка, мною овладел дух противоречия. Философы не задумываются над этим понятием. Но ничто не заставит меня усомниться в том, что дух этот является одним из главных побуждающих начал в человеческом сердце… одним из неотделимых первичных качеств или чувств, которые превращают человека в то, что он есть.

Кто не совершал тысячу злых или глупых поступков только лишь потому, что знал: так поступать не следует? Разве не заложено в нас неискоренимое желание вопреки здравому разуму нарушать то, что зовется «Законом» по той единственной причине, что мы его считаем таковым? Я повторю еще раз, пробуждение духа противоречия ознаменовало мое окончательное падение. Это был тот непостижимый душевный порыв «сделать хуже самому себе», совершить насилие над собственной природой… сотворить зло ради самого зла, который заставил меня продолжить и в конечном итоге довести до конца издевательство над безобидным животным. Однажды утром я хладнокровно накинул ему на шею петлю и повесил на ветке дерева… Когда я это делал, слезы текли у меня по щекам, сердце разрывалось на части… Я повесил его, так как знал, что он любил меня, и так как чувствовал, что он не дал мне ни единого повода так поступить с ним… Я повесил его, поскольку знал, что, делая это, я совершаю грех, страшный грех, который заставит, если такое вообще возможно, отвернуться от моей бессмертной души даже самого всемилостивого, самого страшного Бога.

Ночью того дня, когда был совершен этот жестокий поступок, меня разбудили крики о пожаре. Полог моей кровати был охвачен пламенем. Горел весь дом. Мне, моей жене и слуге лишь каким-то чудом удалось спастись от огня, но разрушение было полным. Погибло все, что у меня было, и с тех пор меня не покидало отчаяние.

Я не настолько слабодушен, чтобы усмотреть причину и следствие в своем злодеянии и случившейся беде. Но я излагаю факты в их последовательности и не хочу, чтобы из этой цепочки выпало хотя бы одно звено. На следующий день после пожара я пришел на руины. Все стены дома, кроме одной, рухнули. Осталась стоять лишь одна из внутренних стен между комнатами, изголовьем к которой стояла моя кровать. Штукатурка на ней большей частью выдержала воздействие огня. Я приписал этот факт тому, что недавно эту стену чинили, и штукатурка была еще свежей. У этой стены собралась довольно большая группа людей, которые, похоже, очень внимательно и с особым интересом рассматривали какую-то ее отдельную часть. Восклицания «Странно!», «Необычно!» и другие, подобные им, пробудили во мне любопытство. Я подошел к толпе и увидел на белой поверхности стены изображение огромного кота, которое, словно bas-relief[20 - Барельеф (фр.).], въелось в штукатурку. Изображение было в самом деле поразительно достоверным. На шее животного четко просматривалась веревка.

Едва я узрел этот призрак (а другим словом я не могу это назвать), необычайное удивление и ужас охватили меня. Но позже разум пришел мне на помощь. Я вспомнил, что кот был повешен в саду, примыкающем непосредственно к дому. Как только началась вызванная пожаром суматоха, в этом саду собралось множество людей, из которых кто-то, должно быть, перерезал веревку и бросил животное в открытое окно моей комнаты. Возможно, это было сделано для того, чтобы разбудить меня. При падении остальные стены могли впечатать жертву моей жестокости в свежую штукатурку. Содержащаяся в ней известь вместе с огнем и аммиаком, выделяемым мертвым телом, и привели отпечаток в тот вид, в котором я его увидел.

Объяснив подобным образом этот удивительный факт, я успокоил свой разум (но не совесть), и все же это произвело на меня очень большое впечатление. Несколько месяцев меня преследовал призрак этого кота, и я снова испытал некое смутное чувство, которое было похоже на раскаяние, но не им являлось. Я дошел до того, что пожалел о том, что лишился этого кота, и в грязных притонах, где проводил теперь все больше времени, стал подыскивать другое животное того же вида и сходной наружности, которое могло бы занять его место.

Однажды вечером, когда, доведя себя почти до беспамятства, я сидел в пивной более чем сомнительной репутации, мое внимание неожиданно привлек какой-то черный предмет, лежащий на огромной бочке то ли джина, то ли рома, которая была главным предметом мебели в этом помещении. Я уже несколько минут смотрел на эту бочку и сильно удивился, что не заметил лежащего на ней предмета раньше. Я подошел и прикоснулся к нему рукой. Это был кот… огромный черный кот, не меньше Плутона и очень на него похожий, с одним лишь различием. У Плутона на всем теле не было ни одной белой шерстинки, а у этого кота было большое, хотя и нечеткое белое пятно почти во всю грудь. Как только я прикоснулся к нему, он сразу встал, громко заурчал и потерся о мои пальцы. Похоже, ему было приятно, что я обратил на него внимание. Это было именно то, что я искал, поэтому я тут же предложил хозяину заведения купить животное, но он ответил, что это кот не его, он о нем ничего не знает и никогда раньше не видел.

Я еще немного погладил его, а когда собрался уходить, животное явно вознамерилось составить мне компанию. Я позволил ему следовать за мной, и, пока мы шли домой, я время от времени наклонялся и ласкал его. Дома он освоился сразу и быстро стал любимцем моей жены.

Я же вскоре почувствовал, что во мне растет неприязнь к этому существу, хотя ожидал отнюдь не этого. Не знаю, как или почему, но его явная любовь ко мне сделалась мне противна и скоро начала сильно раздражать. Мало-помалу ощущение отвращения и раздражения переросло в злость и ненависть. Я стал избегать кота, но некоторое чувство вины и воспоминания о своем прошлом жестоком поступке удерживали меня от того, чтобы обижать его. Несколько недель я его не бил и вообще не прикасался к нему, но постепенно, очень постепенно, его вид стал вызывать у меня непередаваемое отвращение. Я избегал его навязчивого присутствия, бежал от него, как от дыхания чумы.

Одной из причин, по которой я возненавидел кота еще больше, несомненно, стало то, что на следующее утро после того, как я привел его к себе домой, выяснилось, что у него, как и у Плутона, нет одного глаза. Впрочем, это обстоятельство сделало его только дороже для моей жены, которая, как я уже говорил, была в большой степени наделена той душевной добротой, которая когда-то была моей главной отличительной чертой и благодаря которой раньше я столько раз испытывал простую и чистую радость.

Но похоже, что по мере того, как росло мое отвращение к этому коту, его привязанность ко мне только усиливалась. Он не отступал от меня ни на шаг, с упрямством, которое трудно описать, следовал за мной буквально повсюду. Если я садился, он забирался под стул или запрыгивал мне на колени и начинал тошнотворно ластиться. Если я вставал, чтобы пойти на прогулку, он путался у меня под ногами, из-за чего я чуть не падал, а то и впивался длинными острыми когтями в одежду и вскарабкивался по ней мне на грудь. В такие минуты, хоть меня и терзало жгучее желание уничтожить его одним ударом, я не делал этого, частично из-за воспоминания о своем прошлом преступлении, но в основном – лучше признаться в этом сразу, – потому что я жутко боялся этого создания.

Страх мой не был боязнью какого-то определенного несчастья… хотя, как иначе его определить, я не знаю. Мне почти стыдно признаться… да, даже здесь, в тюремной камере, я почти испытываю стыд, говоря о том, что страх и ужас, внушаемые мне этим животным, были приумножены одной из самых незначительных химер, которые можно себе представить. Жена не раз указывала мне на белую отметину на груди кота, о которой я упоминал и которая была единственным видимым различием между этим странным существом и тем, которое я погубил. Читатель помнит, что пятно это хоть и было большим, имело неопределенную форму, однако постепенно, настолько

незаметно, что долгое время разум мой отказывался верить в то, что это не игра воображения, тем не менее через какое-то время пятно это оформилось в четкий контур. Теперь по форме оно было неотличимо от предмета, название которого заставляет меня содрогнуться – и за одно это я больше всего ненавидел, боялся его и избавился бы от этого чудовища, если бы осмелился – теперь это было изображение отвратительной… жуткой вещи… теперь на груди кота было отчетливо видно изображение ВИСЕЛИЦЫ! Мрачного и жуткого орудия ужаса и преступления… устройства, несущего агонию и смерть!

Отныне жизнь моя превратилась в муку, невыносимее самых страшных страданий, кои когда-либо испытывал смертный. Жалкая тварь, собрата которой я уничтожил с презрением, тварь эта причинила мне – мне, человеку, сотворенному по образу и подобию Всевышнего, столько неизъяснимого горя! Увы, с тех пор ни днем, ни ночью я не испытывал покоя, я навсегда утратил это благословение. Днем это существо ни на миг не оставляло меня, а по ночам, пробуждаясь ежечасно от мучавших меня нестерпимых кошмаров, я ощущал его жаркое дыхание у себя на лице и чувствовал огромный вес тела – воплощенный ужас, который сбросить с себя я был не в силах, – я чувствовал огромный вес тела, возлежащего на моем сердце!

Под тяжестью подобных адовых мучений ничтожные остатки добра, которые еще оставались у меня в душе, умерли. Злые помыслы, самые темные и отвратительные думы стали моими единственными спутниками. Привычная для меня угрюмость обернулась ненавистью ко всему и ко всем; и самой частой и самой безропотной жертвой моих многочисленных и внезапных приступов безотчетной ярости, которым я слепо поддавался, увы, была моя несчастная жена.

Однажды по какой-то хозяйственной надобности она спустилась вместе со мной в подвал старого здания, в котором нужда вынудила нас ютиться. На ступеньках крутой лестницы меня догнал кот и стал крутиться под ногами, из-за чего я едва не свалился вниз. Это привело меня в бешенство. Не помня себя и позабыв тот детский страх, который до сих пор сдерживал меня, я схватил топор и замахнулся. Удар, конечно же, стал бы для животного смертельным, если бы достиг цели, но мою руку остановила жена. Ее вмешательство привело меня в какое-то адское исступление. Я выдернул руку и вонзил топор ей в голову. Она упала, не издав ни звука.

Совершив это жуткое убийство, я тотчас стал думать, как избавиться от тела. Понятно было, что ни днем, ни ночью вынести его из дома я не мог, потому что в любое время меня могли увидеть соседи. Разные мысли приходили мне в голову. Поначалу я думал изрубить тело на куски и сжечь. Потом подумал было закопать его в подвале. Затем я решил бросить труп в колодец во дворе. Еще у меня возник план запаковать его в коробку, оформить как посылку и вызвать носильщика, который вынес бы его из дома. Наконец я остановился на том, что показалось мне гораздо лучшей идеей, чем все остальные. Я вознамерился замуровать его в стенах подвала, как это делали средневековые монахи со своими жертвами.

Для подобной цели подвал подходил как нельзя лучше. Стены в нем были шаткие, и совсем недавно их покрыли грубой штукатуркой, которая еще не успела высохнуть из-за влажности воздуха. Более того, в одной из стен имелась ниша: раньше там, должно быть, находилось нечто вроде фальшивого дымохода или очага, но сейчас это место было заложено и ничем не отличалось от остальных стен подвала. Я не сомневался, что смогу легко разобрать кладку, поместить туда труп и снова заложить стену так, что никто не заметит ничего подозрительного. И в своих расчетах я не ошибся. Вооружившись ломом, я легко разобрал кирпичи, потом аккуратно поместил в нишу тело, прислонил его к внутренней стене и подпер его в таком положении. Выстроить стену так, как она выглядела раньше, было нетрудно. Соблюдая всяческие предосторожности, я принес в подвал известку, песок и паклю, приготовил штукатурку, неотличимую от прежней, и замазал ею новую кладку. Закончив, я остался доволен своей работой. Ничто во внешнем виде стены не указывало на то, что ее недавно разбирали. Строительный мусор на полу я тщательно убрал. Осмотревшись вокруг, я в полном восторге сказал себе: «Ну вот, по крайней мере, мой труд не пропал даром».

Следующим моим делом было найти создание, ставшее причиной стольких бед, потому что наконец я решил казнить его. Если бы в тот миг кот попался мне под руку, участь его была бы определена, но, похоже, коварное животное, испугавшись моего припадка ярости, спряталось. Невозможно описать и даже представить, какое благословенное облегчение принесло мне отсутствие этой мерзкой твари. Ночью кот не пришел, так что, по крайней мере, один раз со дня его появления в моем доме, я получил возможность выспаться. Сон был глубоким и спокойным, даже несмотря на тяжесть убийства на душе!

Прошел еще день, за ним еще один, а мой мучитель так и не появлялся. Я снова начал дышать свободно. Чудовище в страхе навсегда покинуло мой дом! Больше я его не увижу! Радость моя не знала границ. Чувство вины за совершенный поступок почти не тревожило меня. Кое-кто меня спрашивал, куда запропастилась моя супруга, но я заранее приготовил ответы, так что отделаться от любопытствующих было нетрудно. Дом даже подвергся обыску, но, разумеется, ничего найдено не было. Я не сомневался, что в будущем меня ждет полное благоденствие. На четвертый день после убийства ко мне неожиданно нагрянула полиция. Они еще раз тщательно осмотрели весь дом и прилегающий участок. Впрочем, полностью уверенный в том, что труп спрятан надежно, я не чувствовал ни малейшего смущения. По настоянию офицеров во время обыска я держался рядом с ними. Они осмотрели каждый уголок, каждую нишу. Наконец в третий или четвертый раз они спустились в подвал. Я пошел с ними, и на моем лице не дрогнул ни один мускул. Мое сердце билось спокойно, как у спящего праведника. Сложив руки на груди, я неторопливо прохаживался по подвалу. Полностью удовлетворившись, офицеры приготовились уходить. Радость, которую я ощущал на сердце, была слишком сильна, чтобы я мог ее сдержать. Для полноты торжества меня так и подмывало что-нибудь сказать, чтобы их уверенность в моей невиновности удвоилась.

– Господа, – когда офицеры стали подниматься по лестнице, произнес наконец я, – я рад, что сумел развеять ваши подозрения. Желаю вам всего наилучшего, будьте здоровы и чуточку повежливее. Кстати, господа… а дом у меня очень надежный, – испытывая непреодолимое желание произнести что-нибудь непринужденным тоном, я почти не задумывался над тем, что говорю. – Я бы даже сказал изумительно надежный. Эти стены… Вы торопитесь, господа? Эти стены строились на совесть…

И тут, опьяненный бравадой, я с силой постучал тростью по той самой кладке, за которой стоял замурованный труп моей жены.

Да защитит меня Господь от клыков врага рода человеческого! Едва звук удара стих, из глубины склепа мне ответил голос. Плач… Поначалу приглушенный и прерывистый, как нытье ребенка, он быстро превратился в один долгий, громкий, непрекращающийся вопль… совершенно нечеловеческий и жуткий. Пронзительный, исполненный не то безраздельного ужаса, не то безудержного ликования, визг, который мог исходить только из преисподней… Вой, который могут исторгнуть лишь глотки проклятых, обреченных на вечные мучения, и демонов, упивающихся их страданиями.

Глупо говорить, что я почувствовал в тот миг. Покачнувшись, я отпрянул и вжался в противоположную стену. На какой-то миг люди на лестнице замерли, охваченные безотчетным страхом. А в следующее мгновение дюжина крепких рук навалилась на свежую кладку. Стена рухнула, и взору полицейских во весь рост предстал труп, уже сильно разложившийся и весь покрытый запекшейся кровью. На голове его, разинув красную пасть и сверкая единственным глазом, восседало адское создание, чьи происки подтолкнули меня к убийству и чей предательский голос отправил меня в руки палача. Я замуровал чудовище в склеп вместе с телом!

Делец

«Во всяком деле нужен порядок».

Старая пословица

Я – деловой человек, и я люблю, чтобы во всем был порядок. В конце концов, это ведь основа основ. Но больше всего на свете я презираю непроходимых дураков, которые ратуют за порядок, не понимая самой его сути, заботятся о его букве, забывая про его дух. Эти господа постоянно делают что-то из ряда вон, но, как они сами говорят, «по порядку». И я глубоко убежден, что в этом и заключен настоящий парадокс. Истинный порядок присущ обыденному, и не применим ни к чему outre[21 - Необычный, странный (фр.).]. Могут ли иметь какой-нибудь смысл выражения наподобие «методичный вертопрах» или «систематически блуждающий огонек»?

Мое понимание этого вопроса не было бы столь полным, если бы не один счастливый случай, произошедший со мной в детстве, когда я был еще совсем маленьким. Моя ирландская няня, добрейшая старушка (которую я не забуду упомянуть в своем завещании), однажды, когда я стал производить больше шума, нежели того требовали обстоятельства, взяла меня за лодыжки, прокрутила пару раз в воздухе, да так удачно, что проломила мне голову о стойку кровати. Это решило мою судьбу и в конце концов принесло мне состояние. Удар пришелся как раз в темечко, рядом с тем местом, где расположен орган, отвечающий за порядок. Отсюда и та любовь к системе и порядку, которая превратила меня в того уважаемого делового человека,

которым я являюсь сегодня.

Если есть в этом мире что-либо такое, что я действительно ненавижу, так это гении. Все эти гении – настоящие ослы, и чем больше гений, тем больший он осел. Сие правило не содержит исключений. Сделать из гения делового человека так же невозможно, как выпросить у еврея денег или из еловой шишки получить мускатные орехи. Эти существа имеют привычку постоянно перескакивать с одного на другое, посвящая себя тем или иным совершенно фантастическим занятиям, или же предаваясь каким-нибудь смехотворным рассуждениям, что не имеет ничего общего с тем, что называется «слаженностью», и даже противно этому, но только не занимаются делом, что бы мы ни вкладывали в это понятие. Таким образом, этих людей можно без труда определить по характеру их занятий. Если вы когда-нибудь познакомитесь с лавочником или фабрикантом, либо встретите человека, который торгует хлопком, табаком или занимается чем-то подобным, либо человека, который разыгрывает из себя адвоката, кузнеца или врача – иными словами, занимается чем-то необычным, – знайте, что перед вами гений, из чего по тройному правилу[22 - Правило нахождения неизвестного члена пропорции.] следует, что он – осел.

Я никоим образом не отношусь к гениям, я – обычный делец. Мои ежедневник и гроссбух могут это легко подтвердить. Хоть я и говорю сам о себе, но поверьте, они ведутся очень аккуратно, в полном соответствии с моей всегдашней пунктуальностью и любовью к порядку. Замечу, что в этом отношении со мной не сравниться ни одному часовому механизму. Более того, род моих занятий всегда согласуется с привычками моих близких. Не то чтобы я в этом отношении чувствовал себя в долгу перед своими недалекими родителями, которые, вне всякого сомнения, в конце концов сделали бы из меня отъявленного гения, если бы в нужное время мне на помощь не пришел мой ангел-хранитель. Все, что пишут в биографиях, – сущая правда, а в автобиографиях – тем паче. И все же, какими бы искренними ни были мои слова, я не жду, что мне поверят, скажи я, что мой бедный отец, когда мне было всего-то лет пятнадцать от роду, отправил меня в бухгалтерскую контору, где всем заправлял, как он выражался, «очень уважаемый торговец скобяными изделиями, большой человек!». Большой мошенник! Эта затея закончилась тем, что дня через два-три меня отправили обратно к моим тупоголовым родственничкам с жуткой и весьма опасной болью в области темени, как раз вокруг моего органа порядка. Надо сказать, что тогда я чуть не отдал концы. Шесть недель я находился между жизнью и смертью, и врачи отказывались меня лечить. И все же, хоть я и страдал, я был очень благодарным мальчиком.

Провидение не позволило мне стать «уважаемым торговцем скобяными изделиями, большим человеком», и я был очень признателен шишке на голове, ставшей моим средством спасения, а также и той доброй женщине, которая снабдила меня этим средством.

Большинство мальчишек сбегают из дому лет в десять-двенадцать, я же дождался, когда мне исполнилось шестнадцать. Но я не могу ручаться, что даже в этом возрасте пошел бы на такой шаг, не услышь я однажды, как моя старенькая матушка выказала желание приучить меня к самостоятельности, определив меня «по бакалейной части». По бакалейной части! Вдумайтесь только! И тогда я твердо решил покинуть отчий дом и заняться каким-нибудь достойным делом, а не плясать под дудку этих стариков, рискуя превратиться в гения. В начинании этом я преуспел с первой же попытки и к восемнадцати годам уже занимался солидным и доходным делом – работал ходячей рекламой одной портновской мастерской.

Я получил возможность влиться в это непростое дело исключительно благодаря своей строгой приверженности к системе, которая являлась моей отличительной чертой. Скрупулезная методичность отличала как мои поступки, так и мою отчетность. В моем случае не деньги, а метод делал человека, по крайней мере, ту его часть, которая не была сделана портными, на которых я работал. Каждое утро ровно в девять я заходил к ним за одеждой, которую должен был носить в тот день. В десять часов утра я уже совершал променад в каком-нибудь парке или другом месте, где любила проводить время модная публика. Исключительная систематичность, с которой я являл на всеобщее обозрение свою статную персону, чтобы, извиваясь то так, то этак, последовательно и в наилучшем свете выставить каждую часть костюма, обтягивающего мою спину и другие части тела, была предметом зависти всех, кто разбирался в этом деле. Еще не наступал полдень, а я уже приводил моим работодателям, господам Пир и Горой[23 - На языке оригинала господа Пир и Горой зовутся Cut и Comeagain. По-английски устойчивое сочетание слов «cut and come again» имеет примерно тот же смысл, что русское «пир горой» или «гостеприимство». В то же время автор, возможно, намекает на доктора Кутанкумагена, персонажа диккенсовского «Полного отчета о первом съезде Мадфогской ассоциации».] свежего заказчика. Говорю я об этом с гордостью, но и со слезами на глазах, потому что за все мои старания они отплатили мне черной неблагодарностью. Ни один человек, который действительно сведущ в этом деле, не назвал бы небольшой счет, из-за которого мы рассорились и в конце концов расстались, завышенным. Впрочем, что касается этого вопроса, я испытываю гордое удовлетворение от того, что могу позволить читателю судить самому. Мой счет

выглядел так:

От господ Пир и Горой, портных

Питеру Наварру, ходячей рекламе. (долл.)

Июля 10 – за променад, как обычно, и привод одного клиента – $ 00,25

Июля 11 – то же, то же, то же – $ 00,25

Июля 12 – за одну ложь второго сорта (всучил клиенту выцветшую черную ткань, выдав ее за желтовато-зеленую) – $ 00,25

Июля 13 – за одну ложь первого сорта экстра-класса (выдал мятую сермягу за шерстяную ткань) – $ 00,75

Июля 20 – за покупку нового бумажного воротничка для рубашки, чтобы лучше оттенить серый шерстяной костюм – $ 00,02

Августа 15 – за ношение короткого сюртука с двойной подкладкой (температура в тени +41°) – $ 00,25

Августа 16 – за три часа стояния на одной ноге для показа нового покроя брюк со штрипками (по 12? цента за одну ногу в час) – $ 00,37?

Августа 17 – за променад, как обычно, и привод большого клиента (толстый мужчина) – $ 00,50

Августа 18 – за то же, то же, то же (средней упитанности) – $ 00,25

Августа 19 – за то же, то же, то же (щуплый и скупой) – $ 00,06

Итого – $ 02,951/2.

Главный спор возник из-за весьма скромной суммы в два цента за бумажный воротничок. Но честью клянусь, тот воротничок стоил этих денег. Я в жизни не видел более чистого и изящного воротничка, к тому же у меня есть основания полагать, что благодаря ему было продано три шерстяных костюма. Старший партнер фирмы соглашался выплатить только один цент, да еще и взялся показывать, как из обычного листа бумаги можно сделать четыре воротничка такого же размера, но стоит ли говорить, что я твердо стоял на своих принципах. Дело есть дело, и подходить к его выполнению надо по-деловому. Какой же это порядок, если тебя надувают на цент? Чистой воды обман на пятьдесят процентов! Системой тут и не пахнет. Разумеется, я немедля покинул заведение господ Пир и Горой и занялся бельмованием. Это одно из самых доходных, уважаемых и независимых занятий, доступных обычному человеку.

И снова мне пригодились мои прямота, расчетливость и холодная деловая хватка. Дело мое процветало, и вскоре я сделался довольно известным человеком в определенных кругах. А все потому, что я никогда не опускался до вульгарных приемов в погоне за легкой наживой, а всегда четко придерживался общепринятых правил, существующих в этой почтенной профессии… Профессии, которой я, несомненно, занимался бы и по сей день, если бы не один досадный случай, который произошел со мной, когда я проводил очередные обычные деловые операции. Когда какой-нибудь престарелый скупердяй или богатенький наследник-транжира, или разорившееся акционерное общество решает отгрохать себе дворец, ничто в мире не может им в этом помешать, о чем известно каждому умному человеку. Именно благодаря этому факту и существует бельмование, как род деятельности. Когда одна из вышеуказанных сторон приступает к возведению новых чертогов и строительство в самом разгаре, мы, мастера своего дела, покупаем в непосредственной близости от будущей постройки небольшой симпатичный клочок земли или местечко прямо у них под боком, а лучше – перед самым фасадом. Потом дожидаемся, когда дворец будет выстроен наполовину, и платим какому-нибудь архитектору с тонким вкусом, чтобы он построил на нашем участке симпатичную глинобитную хибарку или азиатско-голландскую пагоду, или свинарник, или любой другой живописный домик в эскимосском, кикапусском[24 - Кикапу – индейское племя, обитавшее на территории современных штатов Висконсин и Иллинойс.] или готтентотском стиле. Разумеется, мы не можем позволить себе снести это строение даже за вознаграждение в размере пятисот процентов от суммы, потраченной на его постройку и покупку участка, не так ли? Скажите на милость, прав я или нет? Я хочу услышать ответ делового человека. Совершенно неразумно даже

предполагать, что мы могли бы принять подобное предложение. И все же сыскалась одна корпорация, свора мошенников, которая предложила мне такое. Да-да, верьте или нет! Разумеется, я не удостоил ответа их абсурдное предложение, и для меня было делом чести той же ночью пойти и вымазать весь их дворец сажей, за что эти пустоголовые мерзавцы меня же еще и упекли за решетку, после чего мои коллеги, занимающиеся бельмованием, когда я вышел, вынуждены были прервать со мной знакомство.

Боконаминательство, которым мне после этого пришлось заняться, чтобы хоть как-то сводить концы с концами, не очень подходило мне по причине деликатности моего телосложения. И все же я взялся за это дело с душой и с все той же методичностью и аккуратностью, которую вбила мне в голову моя чудесная няня (в самом деле, я сам перестану себя уважать, если не упомяну ее хорошенько в моем завещании). Так вот, подчиняя строжайшей системе все свои поступки и неукоснительно соблюдая правила ведения отчетности, я сумел избежать многих серьезных трудностей и в скором времени добился признания в этой области. По правде говоря, если уж я брался за какое-то дело, мало кто мог со мной тягаться. Но я лучше приведу пару страниц из своего журнала, чтобы не петь дифирамбы самому себе (сие презренное занятие не достойно человека возвышенного). Журнал – это ведь такая штука, которая не обманет.

«Января 1 – Новый год. Встретил на улице Хлопа, навеселе. Памятка: подойдет. Вскоре встретил Груба, в стельку. Памятка: тоже ответит. Записал обоих господ в гроссбух и открыл каждому текущий счет.

Января 2 – Увидел Хлопа у биржи, подошел и наступил на палец. Кулаком сбил меня с ног. Отлично! Поднялся. Небольшие затруднения с Кошелем, моим адвокатом. Хочу за ущерб тысячу, но он говорит, что за простое сбитие с ног больше пятисот с них не взять. Памятка: надо избавиться от Кошеля – не систематичен.

Января 3 – Пошел в театр найти Груба. Увидел его в ложе во втором ряду между толстой дамой и тощей дамой. Разглядывал всех троих через театральный бинокль, пока толстая дама не покраснела и не прошептала что-то Г. После этого пошел в ложу и подставил нос ему под руку. Не сработало – не дернул. Высморкался и снова подставил. Опять не сработало. Тогда сел и начал подмигивать тощей даме. На этот раз повезло – к моему величайшему удовлетворению он поднял меня за шиворот и вышвырнул в партер. Вывих шеи и отменный перелом правой ноги. Вернулся домой в прекрасном настроении,

выпил бутылку шампанского и записал на молодого человека пять тысяч. Кошель думает, что дело выгорит.

Февраля 15 – Пошел на уступки с мистером Хлопом. Пятьдесят центов оприходовано. (См. гроссбух.)

Февраля 16 – Сброшен с лестницы этим негодяем Грубом, который заплатил пять долларов. Судебные издержки – четыре доллара двадцать пять центов. Общий доход – двадцать пять центов (см. гроссбух)».

То есть, чистый доход, за очень короткое время, ни много ни мало, один доллар двадцать пять центов, и это только по Хлопу и Грубу! Я клятвенно заверяю читателя, что эти примеры были взяты из моего журнала наугад.

Но, как истинно глаголет старая пословица, лучше быть здоровым, чем богатым. Вскоре я понял, что издержки, связанные с этой профессией, не слишком полезны для моего хрупкого тела. Поняв в один прекрасный день, насколько я уже измочален, так что друзья, встречаясь со мной на улице, перестали узнавать во мне Питера Наварра, я пришел к выводу, что лучше всего для меня – это заняться другим делом. И тогда я обратил свое внимание на грязеляпанье, которому и посвятил несколько следующих лет.

Самое худшее в этой профессии то, что слишком много людей находит ее привлекательной, в связи с чем существует очень сильная конкуренция. Каждый неуч, поняв, что у него не достаточно мозгов, чтобы сделать себе карьеру в качестве ходячей рекламы, преуспеть в бельмовании или достичь высот на ниве боконаминательства, конечно же, решает, что он без труда справится с грязеляпаньем. Но нет заблуждения более серьезного, чем думать, будто для того, чтобы ляпать грязью, не нужны мозги. И особенно в этом деле важна методичность. Сам я занимался этим от случая к случаю, тем не менее, благодаря свойственному мне системному подходу дела у меня шли как по маслу. Во-первых я очень тщательно подобрал уличный переход и ни разу не поднял метлу ни в одном другом месте города, кроме как там. К тому же я позаботился, чтобы под рукой всегда имелась симпатичная лужица, которой я мог воспользоваться в любую секунду. Благодаря этому я сделался человеком, которому стали доверять, а для занятия грязеляпаньем – это залог успеха, уж вы мне поверьте. Не было такого прохожего, который, бросив мне медяк, не перешел бы мою улицу с совершенно чистыми панталонами. Поскольку всем были известны мои деловые привычки в этом отношении, жульничать

не пытался никто. Подобного я бы не потерпел. Я сам никого не обманывал, поэтому и со мной считались все. Но, когда тебе на пятки наступают банки, разве тут развернешься? Они доставляли мне страшные неудобства. Но это ведь не люди, это безликие корпорации, у которых, как хорошо известно, нет ни тел, которые можно было бы поколотить, ни душ, которые можно было бы предать проклятию.

Я продолжал трудиться на этом поприще, пока в один злосчастный день мне не пришлось соединить его с собакообтирательством, весьма сходным, но далеко не таким уважаемым занятием. Правда работал я в капитальном месте – самый центр города, вакса и щетка у меня были отменные, а собачонка – лучше и не надо, толстая и привычная ко всем видам обнюхивания. Этот пес уже давно был в деле и явно понимал это. Обычно мы с Помпи работали по такой схеме: он, хорошенько вывалявшись в грязи, садился чуть поодаль у двери в магазин и дожидался, пока не появится какой-нибудь щеголь в начищенных сапогах. Затем направлялся ему навстречу и пару раз хорошенько вытирался о его ноги. После этого щеголь сильно ругался, начинал крутить головой в поисках чистильщика обуви и видел меня, с ваксой и щетками. Минута работы, и я получал шесть центов. Какое-то время дело у нас спорилось. Я работал честно и не жадничал… Чего нельзя сказать о моей собаке. Поначалу я отдавал ему треть дохода, но кто-то посоветовал ему требовать половину. Я на это пойти не мог, поэтому мы разругались и в конечном итоге расстались.

Потом я какое-то время крутил шарманку и могу сказать, весьма преуспел в этом деле. Это честная, простая профессия, не требующая особенных навыков или мастерства. Все что нужно, это раздобыть механизм, играющий какую-нибудь приятную мелодию, и довести его до ума: открыть коробку и три – четыре раза хорошенько стукнуть по нему молотком. Вы представить себе не можете, насколько это улучшает звучание инструмента с точки зрения прибыльности! После этого все, что от вас требуется, это с шарманкой на плече выйти на улицу и гулять, пока вам не попадется дом с дверным молотком, обтянутым кожей, перед которым мостовая засыпана соломой. Тут вы останавливаетесь и крутите шарманку, причем делаете это с таким видом, будто намерены простоять там до Судного дня. Через какое-то время открывается окно, и вам бросают шестипенсовик с просьбой: «Заткнись и проваливай» и так далее. Мне известно, что некоторые шарманщики действительно «проваливают» за означенную сумму, но, что касается меня, то лично я считаю, что занятие таким родом деятельности требует слишком больших вложений, чтобы можно было позволить себе «провалить» менее чем за шиллинг.

С работой этой я справлялся очень даже неплохо, но она не приносила мне должного удовлетворения, и в конце концов я от нее отказался. Правда в том, что трудился я в невыгодных условиях: у меня не было обезьянки. К тому же американские улицы ужасно грязны и полны несносных озорных мальчишек, не говоря уже о том, насколько навязчива демократическая чернь.

На несколько месяцев я остался без работы, но через какое-то время устроился при фальшивой почте, ибо уж очень меня это дело интересовало. Занятие это не сложное и приносит кое-какой доходец. Ну вот, к примеру, рано утром я готовлю партию фальшивых писем. В каждом пишу несколько строчек на любую отвлеченную тему (каждое послание я подписывал «Том Добсон» или, скажем, «Бобби Томпкинс» или что-либо в таком духе), потом складываю листики, запечатываю их сургучом, ставлю фальшивые штемпели каких-нибудь далеких мест, наподобие Нового Орлеана, Бенгалии или Ботани-Бея, и отправляюсь на обход. Выбирая дома побольше, я вручаю письма, получаю плату за доставку и, делая вид, что очень тороплюсь, удаляюсь. Все платят, не задумываясь, особенно за двойные письма (люди такие доверчивые!), и, пока конверт распечатывается, у меня предостаточно времени, чтобы завернуть за угол. Самое неприятное в этой профессии – это то, что нужно все время много и быстро ходить и постоянно менять маршрут. Кроме того, меня мучили угрызения совести. Я терпеть не могу, когда поносят ни в чем не повинных людей, и для меня было настоящей пыткой слышать, как весь город призывает громы небесные на головы Тома Добсона и Бобби Томпкинса. В конце концов занятие это у меня стало вызывать отвращение и я оставил его.

Мое восьмое и последнее предприятие связано с разведением кошек. Это занятие я нашел весьма приятным и доходным, и, право же, оно не доставляет мне ровным счетом никаких хлопот. Как известно, наша страна просто наводнена кошками. Дело дошло до того, что на недавнем собрании Законодательный совет получил петицию, подписанную многими уважаемыми членами общества, с просьбой навести порядок с засильем этих зверьков. Ассамблея на сей раз оказалась прекрасно информирована о состоянии дел и, приняв несколько других умных и важных постановлений, увенчала заседание принятием «Кошачьего акта». В первоначальном варианте законопроекта награду предлагалось выплачивать за кошачьи головы (четыре пенса за штуку), однако сенат внес поправку, согласно которой слово «головы» было заменено на слово «хвосты». Поправка показалась столь уместной, что совет принял ее nem. con.[25 - Nemine contradicente (лат.) – единогласно.]

Как только губернатор штата подписал билль, я тут же вложил все свое состояние в приобретение котов и кошек. Сначала я мог кормить их только мышами (они дешевы), но питомцы мои так усердно принялись исполнять известное библейское предписание, что в скором времени мне уже не было нужды экономить, и я перевел их на устриц и черепашье мясо. Теперь их хвосты, которые я сдаю по цене, оговоренной в законе, приносят мне весьма недурной доходец, поскольку я нашел способ при помощи макассарского масла собирать по три урожая в год. Более того, к моей великой радости, животные вскоре привыкли к отрезанию хвостов и теперь охотнее обходятся без этих совершенно ненужных им придатков, чем с ними. Теперь я считаю себя человеком состоявшимся и сейчас занят тем, что торгую себе теплое местечко на Гудзоне.

Бес противоречия

В рассмотрении способностей и импульсов, этих prima mobila[26 - Перводвигателей (лат.).] человеческой души, френологи[27 - Френология – учение о локализации отдельных психических способностей в различных участках мозга.] оставили без внимания ту предрасположенность, которая, хоть, несомненно, и существует в виде коренного, примитивного, неодолимого чувства, так же была не замечена предшествующими им моралистами. Надменность, присущая разуму, никому из нас не позволяет замечать ее. Сия предрасположенность проявляется, когда возникает необходимость освободиться от чувств, исключительно посредством нехватки доверия… веры, будь то вера в Откровение или вера в Каббалу. Мысль эта не приходит нам в голову просто по причине ее избыточности. Мы даже не видим надобности в побуждении к этой предрасположенности. Ее необходимость для нас непостижима. Мы не понимаем, вернее сказать, не смогли бы понять, если бы этот перводвигатель каким-то образом проявил себя; не смогли бы понять, как, каким образом его работа может способствовать исполнению предназначения человечества, как сиюминутного, так и вечного. Нельзя отрицать, что френология, и еще в большой степени вся метафизика, были состряпаны a priori[28 - Независимо от опыта (лат.).]. Интеллектуал, или человек, мыслящий логически, скорее, чем человек сообразительный или наблюдательный, принимается строить планы… иными словами, диктует Богу свою волю. Удовлетворившись полученным подобным образом представлением о намерениях Иеговы, на основании этих намерений он выстраивает многочисленные системы разума. К примеру, с позиций френологии, вначале мы

(и это вполне естественно) определили, что по замыслу Создателя человек должен питаться. Исходя из этого, мы установили наличие у человека органа, отвечающего за аппетит, и орган этот является тем бичом, которым Бог принуждает человека, независимо от его собственной воли, хотеть есть. Затем, решив, что по Божьей воле человек должен продолжать свой род, мы незамедлительно обнаружили орган, отвечающий за эротизм. То же самое произошло с воинственностью, воображением, причинностью, творческим началом, короче говоря, со всеми органами, отвечающими либо за склонности, либо за нравственность, либо за чистый разум. И в этом разнообразии principia[29 - Первопричин (лат.).], отвечающих за поведение человека, последователи Шпурцгейма[30 - Иоганн Кристоф Шпурцгейм (1776–1832) – немецкий френолог.] (правы они или не правы, частично или полностью), в принципе, всего лишь идут по тропе, протоптанной их предшественниками: выводят и устанавливают наличие всего из предначертанной заранее судьбы человека и на основании целей, преследуемых его Создателем.

Было бы мудрее и безопаснее классифицировать (если мы обязаны классифицировать) на основании того, что человек обычно или порой совершал в прошлом и совершает всегда, чем на основании того, что, как мы считаем, суждено ему по замыслу Бога. Если мы не в состоянии понять Господа по его зримым творениям, можем ли мы уразуметь его по тем непостижимым помыслам, которые вызвали к жизни сии творения? Если мы не в состоянии понять Господа по его объективным созданиям, можем ли мы уразуметь его по свободным настроениям и фазам созидания?

Сие введение a posteriori[31 - По опыту (лат.).] могло бы заставить френологов принять как врожденный и примитивный принцип человеческого поведения парадоксальное нечто, которое за неимением более подходящего термина можно назвать извращенностью. В том смысле, который в это вкладываю я, фактически, это – mobile[32 - Движущая сила (фр.).] без мотива, мотива, а не motivirt[33 - Искаженное немецкое Motivirrtum – ошибка в определении мотива поведения.]. По его подсказке мы действуем без какой-либо видимой цели; или (хоть это и покажется противоречием в терминах) утверждение это можно выразить иными словами: по его подсказке мы совершаем поступки, потому что понимаем, что так поступать нельзя. В теории нет ничего более бессмысленного, но на практике мотива более сильного не существует. Некоторые умы при определенных обстоятельствах совершенно не в состоянии этому противиться. Я ни капли не сомневаюсь в том, что уверенность в неправедности или ошибочности каких-либо поступков часто является той неодолимой силой, которая побуждает нас к действию. Также эта поразительная склонность

творить зло (если называть злом все то, что не входит в рамки «правильности») ради самого зла не поддается анализу или расчленению на скрытые элементы. Это врожденный импульс, которому невозможно противиться. Знаю, мне возразят, что, когда мы упорствуем в поступках, поскольку знаем, что упорствовать в них нельзя, поведение наше является ничем иным, как порождением того, что во френологии зовется воинственностью. Но эта идея ошибочна, в чем не трудно убедиться. Френологическая воинственность обусловлена необходимостью самозащиты. Это – забрало, предохраняющее нас от травм и ран. Ее суть имеет отношение к нашему здоровью, поэтому желание быть здоровым возбуждается одновременно с ее развитием. Из этого следует, что желание быть здоровым неизменно должно сопровождаться тем или иным принципом, который будет всего лишь модификацией воинственности, но в том случае, когда речь идет о том, что я называю извращенностью, не только не возникает желания быть здоровым, но и имеет место стремление совершенно противоположное.

Впрочем, обращение к собственному сердцу будет лучшим ответом всей этой софистике. Любой, кто доверяет своей душе и ищет в ней ответы, не станет отрицать радикальный характер обсуждаемой предрасположенности. Она так же непостижима, как и очевидна. Нет такого человека, которого, к примеру, никогда не терзало страстное желание измучить слушателя многоречивостью. Говорящий понимает, что этим доставит неудовольствие; он искренне желает радовать, обычно он выражается коротко, четко и понятно, слова, готовые сорваться с его языка, лаконичны и доходчивы, но лишь с большим трудом ему удается сдерживать себя. Его страшит гнев того, к кому он обращается, душа его противится этому, и все же у него появляется мысль, что выспренностью слога и отступлениями от темы гнев этот можно пробудить. Одной этой мысли достаточно. Импульс превращается в охоту, охота – в желание, желание – в неудержимую жажду, и жажда эта (к огромному сожалению и величайшей досаде говорящего, и невзирая на последствия) удовлетворяется.

Перед нами задача, которую нужно выполнить как можно быстрее. Мы знаем, что откладывать это губительно. Важнейший миг нашей жизни громогласно взывает, требуя немедленного действия. Мы загораемся, нас снедает смертная охота исполнить эту работу прямо сейчас, и душа наша кипит в предвкушении великолепного результата. Работу обязательно надо выполнить именно сегодня! И все же мы откладываем ее до завтра. Почему? Другого ответа нет, кроме как: потому что в нас просыпается дух извращенности, если использовать это слово, не понимая принципа, который за ним стоит. Наступает следующий день, и с

ним возникает еще более жгучее стремление исполнить свой долг, но с возросшей жаждой действий приходит безымянное и вселяющее страх своей непостижимостью желание снова отложить дело до завтра. Желание это с каждой секундой набирает силу. Близок тот час, когда отведенное нам время истечет, и уже будет поздно браться за работу. Мы трепещем от страшной борьбы, происходящей внутри нас, от противостояния определенного и неопределенного, от борьбы вещества и тени. Однако, если противоборство не закончилось до сих пор, то побеждает тень… Борьба была напрасной. Часы бьют урочный час, и мы слышим похоронный звон по нашему благоденствию. В то же время это chanticleer[34 - Петух (фр.).], сигнал призраку, который так долго держал нас в благоговейном страхе. Он улетучивается, исчезает, мы свободны. Былая энергичность возвращается. Мы готовы взяться за работу… Но увы! Уже слишком поздно.

Мы стоим на краю пропасти. Мы всматриваемся в бездну… У нас начинает кружиться голова, подступает тошнота. Наш первый порыв – отпрянуть от опасного места. Но почему-то мы остаемся. Понемногу тошнота, головокружение и ужас сливаются в единое облако не имеющего названия ощущения. Постепенно, так что превращения и не заметишь, облако это начинает принимать определенные очертания, как в сказках «Тысячи и одной ночи» дым из бутылки сгущается в джинна. Но наше облако на краю бездны принимает образ, приобретает очертания несоизмеримо более страшные, чем любой джинн, любой сказочный демон, и все же это не более чем мысль, хоть и пугающая, хоть и заставляющая сжаться сердце от невыносимого ожидания сладости ее ужаса. Это мысль о том, какие мы испытаем ощущения во время головокружительного падения с подобной высоты. Именно по той причине, что во время этого низвержения, этого стремительно приближающегося полного уничтожения, возникает тот самый отвратительный, самый жуткий из всех отвратительных и жутких образов гибели и страданий, который являлся нам в помыслах, именно по этой причине мы желаем его больше всего на свете. И поскольку разум наш яростно пытается оттолкнуть нас от края пропасти, мы, охваченные порывом, делаем еще один шаг вперед. В природе не существует чувства более неистового, чем та демоническая страсть, которая безраздельно охватывает стоящего на краю пропасти и борющегося с желанием броситься вниз. Хоть на миг поддаться желанию означает гибель. Здравый смысл требует воздержаться от этого, и именно поэтому мы не можем не поддаться искушению. Если нас не одернет рука друга, или если мы последним напряжением воли не сумеем вырваться из этих объятий и не падем навзничь перед лицом бездны, мы делаем последний шаг вперед и погибаем.

Можно по-разному анализировать подобные действия, но неизменно мы будем приходить к выводу, что причиной их является дух извращения.
Мы совершаем их, потому что понимаем, что не должны этого делать. За ними не стоит никакого другого постижимого умом принципа, и мы могли бы приписывать сию извращенность прямому наущению злого духа, если бы иногда они не содействовали добру.

Я сказал все это, дабы в какой-то мере ответить на ваш вопрос, дабы объяснить, почему я здесь, и оставить вам хотя бы призрачное понимание того, почему на мне эти оковы, и почему я нахожусь в этой камере смертников. Не будь я столь многословен, вы могли бы либо вовсе не понять меня, либо вслед за толпой счесть меня сумасшедшим. Но теперь вы наверняка поймете, что я – всего лишь очередная жертва демона извращенности.

Никакое дело не продумывалось основательнее. Недели, месяцы я готовился к убийству. Я измыслил и отмел тысячи планов, потому что их выполнение могло навлечь подозрение на меня. Наконец, читая какие-то французские мемуары, я наткнулся на описание едва не закончившейся смертью болезни мадам Пило, причиной которой была случайно оставленная свеча. Мое воображение тотчас разыгралось. Я знал о привычке моей жертвы читать в постели. К тому же мне было известно, что у него небольшая и плохо проветриваемая спальня. Впрочем, мне нет нужды утомлять вас неуместными подробностями. Мне нет нужды описывать те несложные приемы, при помощи которых я подменил подсвечник и оставил в его комнате восковую свечу собственного изготовления.
На следующее утро его нашли мертвым в кровати, и вердикт коронера[35 - Должностное лицо округа, изучающее причины смерти при вызывающих подозрение обстоятельствах.] гласил: «Скончался волей Божией».

Я унаследовал его состояние, и несколько лет все было спокойно. За все это время мысль о том, что меня раскроют, ни разу не посещала меня. Остатки смертоносной свечи я уничтожил собственноручно. Я не оставил ни единой улики, которая могла бы вывести на мой след или даже бросить на меня хотя бы тень подозрения. Невозможно описать, какое радостное удовлетворение испытывал я, думая о том, насколько безопасно мое существование. За долгое время я привык наслаждаться этой мыслью. Она приносила мне куда больше радости, чем все те мирские удовольствия, которые стали доступны мне благодаря моему греху. Но через время наступила пора, когда приятное ощущение незаметно превратилось в навязчивую, изнуряющую мысль.
Она изматывала, потому что не покидала меня, не оставляла ни на секунду.

Часто мы испытываем подобное раздражение от звона в ушах или зуда в памяти, когда снова и снова вспоминаем какую-нибудь примитивную песенку или невыразительный фрагмент из оперы. Мы бы меньше страдали, если хотя бы песня та была хорошей или опера – достойной. Наконец я стал все чаще замечать, что все время думаю о безопасности и постоянно повторяю про себя: «Мне ничто не грозит».

Однажды, прогуливаясь по улице, я поймал себя на том, что бормочу вполголоса эти ставшие привычными слова. В раздражении я переиначил их: «Мне ничто не грозит… Ничто… Да… Если я не совершу глупость и сам не сознаюсь в содеянном!»

И едва слова эти сорвались с моих уст, я почувствовал, как ледяной холод стал вползать в мое сердце. Не впервой мне было чувствовать эти припадки извращенности (природу которой я так старательно объяснял), и я прекрасно помнил, насколько бессилен перед ними. С тех пор подброшенная самому себе мысль совершить глупость и сознаться в убийстве превратилась в наваждение, стала преследовать меня, словно призрак того, кого я погубил… и привела к смерти.

Сначала я попытался стряхнуть с души этот ужас. Я решительно пошел вперед… быстрее… потом еще быстрее… наконец я побежал. Внутри возникло бешенное желание закричать во все горло. Каждая новая волна мыслей наполняла меня все большим ужасом, ибо я слишком хорошо понимал, что думать в моем положении было равносильно смерти. Я все еще ускорял шаг, я словно безумный мчался через запруженные улицы, расталкивая людей, пока не поднялась тревога, и за мной не бросились в погоню. И тогда я почувствовал, что наступил конец. Если бы я мог вырвать себе язык, то вырвал бы его, но грубый голос опять зазвучал у меня в ушах. Еще более грубые руки впились мне в плечи. Задыхаясь, я повернул голову, на короткий миг почувствовав муки удушья. Я побледнел, перестал слышать, у меня закружилась голова, и тогда мне показалось, что какой-то невидимый дьявол хлопнул меня широкой ладонью по спине. Тайна, так долго хранившаяся, вылетела из моей души.

Рассказывают, что слова я произносил очень отчетливо, только слишком громко и в безудержной спешке, словно боясь, что меня прервут, прежде чем я успею произнести все короткие, емкие предложения, которые привели меня к палачу и скоро отправят в ад.

Высказав все, что было необходимо для того, чтобы на суде меня признали виновным, в беспамятстве я распростерся на земле.

Но зачем мне еще что-то говорить? Сегодня я здесь, и в цепях! Завтра я буду свободен… Но где?

Ты еси муж

Сейчас я сыграю роль Эдипа[36 - Герой древнегреческих мифов, разгадавший загадку Сфинкса.] для загадки Гвалтвилла. Я открою вам… поскольку кроме меня этого сделать некому… тайные механизмы чуда, случившегося в Гвалтвилле; неповторимого, истинного, признанного, бесспорного и неоспоримого чуда, которое положило конец недоверию жителей Гвалтвилла и ввергло в старушечье суеверие всех тех преисполненных плотских помыслов, которые прежде упорствовали в скептицизме.

Событие это… которое мне не хотелось бы обсуждать неуместным приподнятым тоном… произошло летом 18… года. Итак, суть дела такова. Мистер Барнабас Челнокс, один из самых богатых и уважаемых людей города, исчез на несколько дней, что породило волну недобрых слухов. Одним субботним утром, очень рано, мистер Челнокс верхом выехал из Гвалтвилла, объявив, что собирается съездить в расположенный в полутора десятках миль соседний городок и вернуться в тот же день вечером. Однако спустя два часа лошадь его прискакала обратно одна, без седока и без седельных вьюков, которые изначально были пристегнуты к ее спине. Кроме того, животное было ранено и все в грязи. Это обстоятельство, разумеется, очень взволновало друзей пропавшего, и когда он не объявился и в воскресенье, весь городок en masse[37 - Вместе, сообща (фр.).] отправился на поиски его тела.

В первых рядах шел человек, громче других ратовавший за организацию поисков, это был близкий друг мистера Челнокса, некий мистер Чарлз Друггинс, которого все называли не иначе, как «Чарли Друггинс» или «старина Чарли Друггинс». И то ли это чудесное совпадение, то ли имя в самом деле оказывает какое-то влияние на характер человека (мне пока что не удалось этого выяснить), но не вызывает сомнения тот факт, что в мире нет ни одного Чарлза, который не был бы открытым, мужественным, честным и добрым малым

с большим сердцем, густым и чистым голосом, слушать который – одно удовольствие, и прямым взором, словно бы возвещавшим: «Совесть моя чиста, бояться мне нечего, и вообще я выше всякой низости». Посему в театрах всех приветливых, беззаботных статистов чаще всего и зовут Чарлз.

Так вот, «старине Чарли Друггинсу», хоть он и объявился в Гвалтвилле не больше шести месяцев или около того назад и до этого никто о нем и слыхом не слыхивал, было совсем не трудно перезнакомиться со всеми уважаемыми людьми в городе. Любой мужчина под честное слово готов был ссудить ему хоть тысячу, а уж, что касается женщин, трудно сказать, на что они ни были готовы, лишь бы угодить ему. И все это из-за того, что звали его Чарлз, и, соответственно, лицо у него было того своеобразного типа, который, как говорится, «лучше любого рекомендательного письма».

Я уже упоминал, что мистер Челнокс был одним из самых уважаемых людей в Гвалтвилле, но, кроме этого, он, вне всякого сомнения, был и самым богатым среди них, что не помешало «старине Чарли Друггинсу» сойтись с ним на такую короткую ногу, будто он был ему родным братом. Жили они по соседству, и хоть мистер Челнокс редко когда бывал у «старины Чарли» и даже ни разу не вкусил с его стола, это не мешало двум джентльменам водить весьма тесную дружбу, как я только что отметил, поскольку «старина Чарли» каждый божий день по три-четыре раза наведывался к соседу узнать, как у него дела, и частенько задерживался у него на завтрак или на чай, а уж на обед – так почти всегда, и я не берусь определить, сколько вина выпивали закадычные друзья во время этих встреч. «Старина Чарли» всем остальным маркам предпочитал «Шато Марго», и мистеру Челноксу, похоже, доставляло истинное удовольствие видеть, как он поглощает его кварта за квартой, поэтому в один прекрасный день, когда вино текло рекой, а разум, что вполне естественно, с такой же скоростью улетучивался, он обратился к товарищу, хлопнув его по спине:

– Вот что я тебе скажу, старина Чарли, ты – самый душевный парень из всех, кого я встречал на своем веку, и, раз уж вино это тебе так по нраву, гореть мне в аду, если я не подарю тебе целый ящик «Шато Марго», черт тебя дери! – Мистер Челнокс имел нехорошую привычку сопровождать свою речь крепким словцом, хотя и редко когда выходил за рамки «Черт тебя дери!», «Дьявол!» или «Пропади все пропадом!». – Да провалиться мне, – восклицает он, – если я сегодня же не закажу в городе двойной ящик и не сделаю тебе подарок!.. И не возражай, я это сделаю!.. Слово даю, пропади оно пропадом! Так что будь готов, жди посылочку. И придет она как раз тогда, когда ты будешь меньше всего ее

ждать!

Я привожу этот небольшой пример проявления щедрости мистера Челнокса исключительно ради того, чтобы показать вам, насколько полным было взаимопонимание двух друзей.

Итак, утром означенного воскресенья, когда стало окончательно ясно, что с мистером Челноксом что-то случилось, я не видел никого, кто был бы более взволнован, чем «старина Чарли Друггинс». Услышав, что лошадь вернулась домой без хозяина, без седельных вьюков и вся в крови от пистолетного выстрела (пуля насквозь пробила грудь несчастного животного, но не убила его на месте), услышав все это, он побледнел так, будто пропавший был его любимым братом или отцом, весь задрожал и затрясся, словно в приступе лихорадки.

Поначалу горе его было слишком велико, он оказался просто не в состоянии что-либо предпринять или составить какой-нибудь план действий, почему и стал убеждать других друзей мистера Челнокса не поднимать шума и выждать какое-то время – скажем, недельку-другую или месяц-другой – авось, что-то прояснится, или сам мистер Челнокс объявится естественным путем и разъяснит, что случилось с его лошадью, и почему он отправил ее домой одну в таком виде. Осмелюсь заметить, что довольно часто люди, охваченные глубоким душевным страданием, занимают подобную выжидательную позицию и тянут до последнего. Разум их как будто впадает в спячку, из-за чего ничто не страшит их больше, чем необходимость действовать, и все, чего им больше всего хочется в такие минуты, – это лечь в постель и «предаться горю», как говорят старухи, иными словами, обдумать что произошло.

Жители Гвалтвилла придерживались столь высокого мнения о мудрости и прозорливости «старины Чарли», что большинство посчитало за лучшее с ним согласиться и не поднимать шума, пока «что-то не прояснится», как высказался сей почтенный господин. Я полагаю, что его настроение передалось бы всем остальным, если бы не весьма подозрительное вмешательство племянника мистера Челнокса, молодого человека беспорядочных привычек, наделенного к тому же прескверным характером. Племянник этот, фамилия которого была Пошл, отказался «предаваться горю» и стал настаивать на организации незамедлительных поисков «трупа убитого». Именно так он и выразился, на что мистер Друггинс резко заметил, что это «мягко говоря, весьма странное выражение». Слова самого мистера Друггинса возымели большое действие

на собравшихся, и кто-то из толпы значительным голосом поинтересовался: «А откуда это юному мистеру Пошлу столько известно обо всех обстоятельствах исчезновения богатого дядюшки, что он берет на себя смелость во всеуслышание и с полной уверенностью утверждать, что он-де убит?» Тут среди собравшихся наметился некоторый раскол, послышались даже несдержанные слова, особенно со стороны «старины Чарли» и мистера Пошла, чему, впрочем, никто не удивился, поскольку последние три или четыре месяца отношения между этими господами были очень натянутыми. Дело дошло даже до того, что мистер Пошл как-то сбил с ног друга своего дяди за чрезмерную вольность, которую тот якобы позволил себе в доме дяди, где племянник квартировал. Говорят, что, когда это произошло, «старина Чарли», проявил исключительную выдержку и христианское смирение. Он поднялся, оправил костюм и не стал отвечать обидчику, всего лишь пробормотал несколько недовольных слов, что-то вроде «ну ничего, ты у меня еще попляшешь» – естественное и вполне оправданное в данной ситуации проявление гнева, – которые, впрочем, наверняка ничего не значили и, вне всякого сомнения, через минуту забылись.

Как бы то ни было, все это не имеет никакого отношения к рассматриваемому происшествию. Жители Гвалтвилла, в основном по наущению мистера Пошла, в конце концов решили разойтись и незамедлительно приступить к поискам пропавшего мистера Челнокса. Я хочу сказать, что таково было их первоначальное решение. Когда стало окончательно понятно, что поиски все же начнутся, все посчитали как бы само собой разумеющимся, что для более тщательного осмотра округи нужно разойтись, другими словами, разбиться на группы. Однако, хоть я и не могу припомнить, какими были его доводы, но «старине Чарли» каким-то образом удалось убедить собрание, что более неразумного плана действий нельзя и придумать. Тем не менее он их убедил (всех, кроме мистера Пошла), и в конечном итоге было принято решение, что очень тщательные и внимательные поиски будут проводиться en masse, и под предводительством самого «старины Чарли».

Ну а уж лучшего разведчика, чем «старина Чарли», было не сыскать – все прекрасно знали, что глаз у него острее орлиного. Однако, хоть он и провел их по самым потаенным уголкам и провалам, о существовании которых никто до этого даже и не подозревал, несмотря на то что поиски почти неделю не прекращались ни днем ни ночью, следов мистера Челнокса так и не нашли. Когда я говорю «следов», меня не надо понимать буквально, поскольку следы-то как раз были. Путь несчастного господина удалось проследить по отпечаткам подков его лошади (они несколько отличались от обычных подков) до места

примерно в трех милях к востоку от Гвалтвилла на главной дороге, ведущей к соседнему городу. Там следы сворачивали на тропинку, которая шла через рощу, и, сокращая путь примерно на полмили, снова выводили на основную дорогу. Следуя по этой тропинке, отряд искателей наконец вышел к стоячему озерцу по правую руку от пути следования, добрая половина которого была скрыта зарослями ежевики, и рядом с этим озером следы подков терялись. Однако определенные знаки указывали на то, что в этом месте произошла какая-то борьба, похоже, какое-то большое и тяжелое тело (намного больше человеческого) оттащили с тропинки к озеру. Дно озера дважды было прочесано, но безрезультатно, в нем ничего так и не нашли, и отряд, отчаявшись, уже хотел было уходить, но тут провидение подсказало мистеру Друггинсу мудрую мысль – полностью осушить озеро. План этот был воспринят на ура, а «старина Чарли» прозорливостью и смекалкой заслужил немало лестных слов. Поскольку многие из горожан захватили с собой лопаты, посчитав, что им, возможно, придется эксгумировать тело, осушение прошло без затруднений и времени отняло немного. Как только обнажилось дно, в оставшейся грязи, в самой середине илистой воронки, был обнаружен черный бархатный жилет, в котором почти все присутствующие сразу признали собственность мистера Пошла. Жилет этот был сильно изодран и весь в пятнах крови. Кое-кто из искателей совершенно точно вспомнил, что он был на своем владельце в то утро, когда мистер Челнокс отправился в соседний город. Нашлись и те, кто был готов в случае надобности под присягой подтвердить, что не видели на мистере П. этого предмета одежды в течение остальной части того памятного дня, и не было положительно никого, кто сказал бы, что видел его на мистере П. за все время, прошедшее с исчезновения мистера Челнокса.

Для мистера Пошла дело начало приобретать очень нехороший оборот. Было замечено и воспринято как неоспоримое подтверждение возникших на его счет подозрений то, что он сильно побледнел, а когда его спросили, что он может сказать в свою защиту, молодой человек не смог из себя выдавить ни слова. Вслед за этим те несколько друзей, которых его разгульный образ жизни еще не оттолкнул от него, все до единого тут же отвернулись от племянника исчезнувшего богача и стали даже громче его старинных и открытых врагов требовать незамедлительного ареста. Впрочем, в этом свете великодушие, проявленное мистером Друггинсом, засверкало только ярче. Он произнес короткую, мягкую и в то же время очень убедительную речь в защиту мистера Пошла, в которой не раз упомянул о том, что лично он искренне прощает несдержанного молодого человека – «наследника достопочтенного мистера Челнокса» – за ту обиду, которую он (молодой человек), несомненно, поддавшись пылу страсти, посчитал возможным нанести ему (мистеру

Друггинсу). «Он простил его за это, – сказал он, – совершенно искренне и от всего сердца, а что касается его самого (мистера Друггинса), то он, вопреки крайне подозрительным обстоятельствам, бросающим тень на мистера Пошла, которые, к его (мистера Друггинса) крайнему сожалению, обнаружились в этом деле, сделает все, что в его силах, употребит все те скромные ораторские способности, которыми он наделен, чтобы… чтобы… чтобы… попытаться сгладить самые острые углы этого действительно очень запутанного дела».

Еще с полчаса продолжал он в том же духе, после чего, если у кого-то из его слушателей и оставались какие-то сомнения в искренности и мудрости мистера Друггинса, они отпали. Но, вы же знаете этих людей с большим сердцем, порой их захватывает такое страстное желание помочь ближнему, что они невольно теряют нить разговора, допускают массу всевозможных ошибок, досадных contretemps[38 - Неувязок (фр.).] и mal aproposisms[39 - Неуместностей – производное от французского mal ? propos.], чем, часто с самыми добрыми намерениями, приносят несоизмеримо больше вреда, чем пользы.

В своей пламенной речи не избежал этого и «старина Чарли», поскольку, хоть он изо всех сил старался помочь подозреваемому, как-то само собой получилось, что каждое произнесенное им слово, которое, хоть и неосознанно, но прямо было направлено на то, чтобы внушить его уважаемым слушателям мысль о скромности оратора, лишь усилило подозрение, уже павшее на его подзащитного, и обратило на него гнев толпы.

Одна из самых досадных оплошностей, совершенных оратором, заключалась в том, что один раз он назвал подозреваемого «наследником огромного состояния всеми уважаемого господина Челнокса». Никому до этого подобная мысль явно не приходила в голову. Все помнили, как пару лет назад дядюшка несколько раз угрожал лишить племянника (своего единственного родственника) наследства, и полагали, что он сдержал свое слово – до того простодушными существами были гвалтвиллцы. Однако замечание «старины Чарли» тут же заставило их призадуматься и вселило в их головы мысль, что угрозы могли так и остаться всего лишь угрозами. Разумеется, тут же возник естественный вопрос: cui bono? Вопрос, который даже больше, чем жилет, указывал на причастность молодого человека к ужасному преступлению.
И здесь, дабы избежать недопонимания, позвольте мне на миг отступить от темы и отметить, что короткая и простая латинская фраза, которую употребил я, неизменно переводится и понимается неверно. «Cui bono?» в ходовых романах и прочей литературе подобного сорта – к примеру, у миссис

Гор[40 - Кэтрин Грейс Гор (1799–1861) – английская писательница. «Сесил, или Приключения фата» (1841) – ее самый известный роман.] (автора «Сесила»), которая цитирует все языки, от халдейского до наречия племени чикасо, в чем ей систематически «по мере надобности» помогает мистер Бекфорд[41 - Вильям Бекфорд (1760–1844) – английский писатель.] – во всех ходовых романах, от Булвера[42 - Эдуард Джордж Булвер-Литтон (1803–1873) – английский писатель.] и Диккенса до Строчузапенса и Эйнсворта[43 - Вильям Гаррисон Эйнсворт (1805–1882) – английский писатель.], два коротких латинских слова «cui bono» понимаются как «с какой целью?» или (как будто это «quo bono») – «чего ради?». Тем не менее их истинный смысл: «кому на пользу?» Cui означает «кому», а bono – «это несет выгоду». Это выражение применяется в юридической практике, когда рассматриваются именно такие дела, как это, когда вероятность того, что подозреваемый виновен, увеличивается в зависимости от того, какую выгоду несет для него совершенное преступление или его последствия. Итак, в данном случае вопрос «cui bono?» совершенно однозначно указал на мистера Пошла. Его дядя, сделав племянника наследником, не единожды угрожал лишить его наследства. Однако угроза не была исполнена, и завещание, судя по всему, не изменилось. Если бы это произошло, убить своего дядю подозреваемый мог разве что из желания отомстить, но и это маловероятно, поскольку у молодого человека всегда оставалась надежда снова снискать дядюшкино расположение. Поэтому, поскольку завещание изменено не было, а угроза это сделать постоянно висела над головой племянника, вырисовался очень сильный мотив для совершения ужасного злодеяния, чего оказалось вполне достаточно для проницательных обитателей городка Гвалтвилл.

Мистер Пошл был арестован прямо на месте, и после дальнейших непродолжительных поисков толпа направилась обратно, держа задержанного под стражей. Однако по дороге возникло еще одно обстоятельство, которое еще больше укрепило подозрения. Мистер Друггинс, неиссякаемая энергия которого всегда держала его немного впереди остального отряда, вдруг пробежал вперед несколько шагов, наклонился и подобрал из травы какой-то маленький предмет. От глаз следовавших за ним не укрылось, что, осмотрев находку, он попытался незаметно сунуть ее в карман сюртука, но утаить поднятый предмет ему не позволили, и выяснилось, что это испанский складной нож, в котором человек десять тут же признали нож мистера Пошла. Более того, на ручке были выгравированы его инициалы. Лезвие его было открыто и все в крови.

Теперь последние сомнения в виновности племянника отпали, и по возвращении в Гвалтвилл его незамедлительно передали мировому судье для допроса.

И снова дела приняли самый скверный оборот. Обвиняемый, когда его спросили, где он находился утром в тот день, когда исчез мистер Челнокс, имел дерзость открыто заявить, что в то утро охотился с ружьем на оленей у того самого озера, в котором, благодаря прозорливости мистера Друггинса, был обнаружен окровавленный жилет.

Тут вперед вышел сам мистер Друггинс и, едва сдерживая слезы, попросил слова. Он сказал, что священное чувство долга не только перед Создателем, но и перед общественностью не дает ему и дальше сохранять молчание. До сих пор искренняя привязанность, которую он питал к молодому человеку несмотря на его дурное отношение к нему (мистеру Друггинсу), заставляла его придумывать все новые и новые объяснения тому, что казалось подозрительным в обстоятельствах, которые столь веско свидетельствовали против мистера Пошла. Однако обстоятельства эти теперь сделались слишком убедительными… слишком изобличающими, и он больше не в силах противостоять им… он готов рассказать все, все что ему известно об этом деле, хотя его (мистера Друггинса) сердце разрывается на части от этой жестокой необходимости. И он поведал, что накануне отъезда мистера Челнокса в соседний город этот достойный пожилой господин в его (мистера Друггинса) присутствии рассказал своему племяннику, что собирается завтра съездить в соседний город для того, чтобы положить необычно большую сумму в банк «Механики и фермеры», и что во время того же самого разговора вышеозначенный мистер Челнокс поставил вышеозначенного племянника в известность, что принял окончательное решение переписать завещание и лишить его наследства. Далее он (свидетель), обращаясь к подозреваемому, призвал его подтвердить, что все только что сказанное им (свидетелем) является чистой правдой, или же опровергнуть его слова. К величайшему изумлению всех присутствующих, мистер Пошл незамедлительно признал, что все так и было.

После этого судья посчитал своим долгом направить пару констеблей обыскать комнату подозреваемого в доме его дяди. Обыск занял совсем немного времени, вскоре они вернулись с красновато-коричневым кожаным бумажником на стальной застежке, тем самым, с которым престарелый господин Челнокс не расставался вот уже много лет. Однако бумажник был пуст. Судья так и не смог выпытать у обвиняемого, как он поступил с его ценным содержимым или куда его спрятал. Более того, мистер Пошл упорно настаивал на том,

что денег не брал, и вообще знать ничего не знает. Еще констебли под матрасом несчастного обнаружили рубашку и шейный платок с его инициалами, на которых были отчетливо видны жутковатые пятна крови жертвы.

В эту напряженную минуту пришло сообщение, что лошадь убитого только что умерла в конюшне от полученной раны. Тут же от мистера Друггинса последовало предложение немедленно провести вскрытие животного с тем, чтобы попытаться отыскать пулю. Так и сделали, и, словно для того, чтобы окончательно развеять последние сомнения в виновности подозреваемого, мистеру Друггинсу, после долгих настойчивых поисков в разверстой груди животного удалось нащупать и извлечь на свет божий огромную пулю, которая, как выяснилось в результате проведенного впоследствии сравнения, в точности соответствовала калибру ружья мистера Пошла и была слишком большой, чтобы подходить к какому-либо иному оружию из того, что имелось во всем городке и его окрестностях. Но и это еще не все. На этой пуле была замечена неровность, небольшая бороздка, идущая под прямым углом к обычному шву, и проверка показала, что это углубление точно совпадает с выступом, имевшемся на литейных формах, которые, по его собственному признанию, принадлежали обвиняемому. После того как была обнаружена эта пуля, мировой судья отказался выслушивать дальнейшие показания и объявил, что обвиняемый будет передан в вышестоящую судебную инстанцию без права освобождения из-под стражи под залог. Смягчить столь суровое решение не смогли даже горячие протесты мистера Друггинса, который предложил собственную кандидатуру в качестве поручителя, и заявил, что готов предоставить любую сумму, которая потребуется. Подобное великодушие «старины Чарли» лишь подчеркнуло добродетель и благородство, которыми неизменно отличалось его поведение за все время его пребывания в городке Гвалтвилл. Только на этот раз сей добрейший господин, должно быть, настолько озаботился судьбой своего юного друга, что, предлагая выплатить залог, совершенно позабыл, что у самого него (мистера Друггинса) нет за душой ни гроша.

Исход досудебного разбирательства несложно представить. Мистер Пошл под градом неодобрительных выкриков и проклятий со стороны добрых жителей Гвалтвилла предстал перед очередным заседанием уголовного суда, где вся цепочка косвенных улик (подкрепленная еще некоторыми убийственными фактами, которые кристальная честность мистера Друггинса не позволила ему утаить от суда) была признана настолько прочной и убедительной, что присяжные, не удаляясь на совещание, единогласно постановили: «Виновен в убийстве первой степени». Был вынесен смертный приговор, и несчастный был возвращен в окружную тюрьму дожидаться суровой кары правосудия.

Тем временем рыцарское поведение «старины Чарли Друггинса» превратило его в настоящего героя в глазах честных обитателей городка. Можно сказать, что теплота чувств, которые они к нему испытывали, возросла вдесятеро, и – что несомненно является естественным результатом того радушия, которым его окружили – этому почтенному господину волей-неволей пришлось отказаться от привычного аскетического образа жизни, к которому его приучила жизнь в нужде, и довольно часто в его доме стали проходить небольшие встречи друзей, на которых неизменно царили жизнерадостное веселье и остроумие… конечно же, несколько притупляемые воспоминаниями о печальной и горькой судьбе, постигшей племянника покойного близкого друга гостеприимного хозяина.

В один прекрасный день сей благородный муж был приятно удивлен, получив следующее письмо:

Шат. Мар. А – № 1 –.

6 дюж. бутылок (1/2 гросса)

От К. Т. Б. и Ко.

Чарлзу Друггинсу, эскв., Гвалтвилл.

«Чарлзу Друггинсу, эсквайру

Дорогой сэр!

В соответствии с заказом, полученным нашей фирмой около двух месяцев назад от нашего многоуважаемого заказчика мистера Барнабаса Челнокса, мы имеем честь выслать сегодня утром на Ваш адрес двойную коробку «Шато Марго» марки «Антилопа», с лиловой печатью. Номер и маркировка ящика соответствуют указанным на полях.

Всегда к Вашим услугам,

Искренне Ваши,

Крах, Трах, Бах и Ко.

Город такой-то, 21 июня, 18…

P.S. Ящик будет доставлен Вам фургоном на следующий день после получения Вами сего письма.

Наше почтение мистеру Челноксу,

К. Т. Б. и Ко».

Вообще-то после смерти мистера Челнокса мистер Друггинс оставил надежду получить обещанное «Шато Марго» и воспринимал это как своего рода испытание, ниспосланное ему судьбой. Поэтому нет ничего удивительного, что он до того обрадовался, что тут же пригласил большую компанию друзей на завтрашний petit souper[44 - Легкий ужин (фр.).], во время которого собирался вскрыть подарок старого доброго мистера Челнокса. Правда, имени «старого доброго мистера Челнокса» в приглашении не упоминалось, но это было осознанным решением, принятым после долгих, мучительных размышлений. Вообще-то, если мне не изменяет память, он никому не сказал, что получил «Шато Марго» в подарок. Он просто попросил друзей собраться, чтобы помочь ему прикончить несколько бутылочек отличного дорогого вина, которое он заказал в городе еще пару месяцев назад и которое завтра должны привезти. Я не раз пытался понять, что заставило «старину Чарли» принять решение не сообщать никому о том, что вино он получил от старого друга, но так и не смог понять причину его молчания. Впрочем, наверняка у него имелись на то самые веские основания, и поступок его был вызван самыми благородными побуждениями.

Наконец наступило завтра, и в доме мистера Друггинса собралось многочисленное и в высшей степени достойное общество. Можно сказать,

там было полгорода (включая и меня самого), но, к великому раздражению хозяина приема, «Шато Марго» привезли очень поздно, когда великолепный ужин, приготовленный «стариной Чарли», уже был съеден и получил самые лестные отзывы гостей. Наконец вино прибыло – в огромном ящике, – и поскольку настроение у всех было преотменное, гости nem. con.[45 - Сокр. от nemine contradicente – единогласно (лат.).] решили поднять ящик на стол и уже оттуда раздавать его содержимое.

Сказано – сделано. Мы взялись за ящик со всех сторон и вмиг водрузили его на стол, прямо посреди бутылок и стаканов, многие из которых при этом разбились. «Старина Чарли», который к тому времени и так уже был нетверд на ногах, с раскрасневшимся лицом уселся во главе стола, напустил на себя важный вид и несколько раз громыхнул перед собой графином, призывая собравшихся соблюдать порядок «во время церемонии извлечения сокровища».

Через какое-то время шум успокоился, был восстановлен порядок, и, как часто бывает в подобных случаях, в комнате повисла особенная напряженная тишина. Когда меня попросили вскрыть ящик, я, конечно же, отказываться не стал и «с превеликим удовольствием» приступил к делу. Я вставил стамеску, несколько раз не сильно ударил по ней молотком, и тут, совершенно неожиданно, крышка ящика как будто сама собой отлетела в сторону и в тот же миг из него поднялся, принял сидячее положение лицом к хозяину истерзанный, окровавленный, почти разложившийся труп убитого мистера Челнокса. Несколько секунд он неподвижно и горестно смотрел гниющими безжизненными глазами прямо на мистера Друггинса, затем отчетливым, значительным голосом медленно произнес: «Ты еси муж, сотворивший сие!»[46 - Вторая книга Царств 12:7.] А потом, словно полностью удовлетворенный содеянным, перевалился через борт ящика, раскинул по столу руки и замер.

То, что последовало за этим, не поддается описанию. Люди бросились к окнам и дверям, многие из самых выдержанных мужчин от страха на месте лишились чувств. Но когда утихла первая волна безотчетного ужаса, все глаза устремились на мистера Друггинса. Проживи я и тысячу лет, все равно никогда мне не забыть эту жуткую, страшнее самой смерти, маску, в которую превратилось его сделавшееся совершенно белым лицо, совсем недавно алое от восторга и выпитого вина. Несколько минут он сидел совершенно неподвижно, словно высеченная из мрамора скульптура. Его бессмысленные глаза как будто были обращены внутрь и созерцали то, что происходило в глубине его жалкой кровожадной души. Потом в один миг они словно

вывернулись наизнанку и устремили взгляд в наружный мир, он вскочил, повалился головой и плечами на стол рядом с трупом и сбивчиво, задыхаясь от волнения, подробно рассказал о содеянном им ужасном преступлении, за которое был заключен под стражу и приговорен к смерти мистер Пошл.

Коротко его рассказ можно свести к следующему: он проследил за своей жертвой до озерца, там выстрелил в его лошадь из пистолета, рукояткой раскроил череп ее седоку, завладел его бумажником и, думая, что лошадь умерла, с большим трудом оттащил ее в заросли ежевики на болотистом берегу. Потом перебросил труп мистера Челнокса через спину своей лошади и отвез его подальше, где и спрятал в глухом месте в лесу.

Жилет, нож, бумажник и пулю он сам подбросил туда, где они были обнаружены. Это было сделано специально для того, чтобы отомстить мистеру Пошлу. Он же подстроил, чтобы были найдены окровавленная рубашка и шейный платок.

Под конец этого леденящего сердце повествования голос негодяя начал делаться тише и глуше. Когда были произнесены последние слова, он поднялся, отступил на шаг от стола и упал замертво.

Способ, которым удалось вырвать это своевременное признание, несмотря на свою действенность, был чрезвычайно прост. Чрезмерная искренность мистера Друггинса была мне отвратительна и возбудила подозрения с самого начала. Я был рядом, когда мистер Пошл ударил его, и то поистине дьявольское выражение, каким бы мимолетным оно ни было, не укрылось от моего внимания, и я понял, что его обещание отомстить будет исполнено, если такая возможность представится. Поэтому за маневрами «старины Чарли» я следил совсем не в том свете, что добрые жители Гвалтвилла. Я сразу обратил внимание на то, что все улики против мистера Пошла были обнаружены либо самим мистером Друггинсом, либо с его подачи. Однако тем, что действительно открыло мне глаза на суть происходящего, стала пуля, обнаруженная в теле мертвой лошади мистером Д. Я, в отличие от гвалтвиллцев, не забыл, что на груди несчастного животного было два отверстия, одно – где пуля вошла в тело, второе – где она из него вышла. Поэтому, когда пуля была обнаружена в лошади после того, как она покинула ее тело, для меня стало совершенно очевидным, что ее сунул туда тот человек, который ее и обнаружил. Окровавленные рубашка и шейный платок подтвердили версию, появившуюся у меня благодаря пуле, поскольку кровь на них на поверку оказалась всего лишь

хорошим красным вином. Начав обдумывать все это, я вспомнил, как в последнее время мистер Друггинс стал сорить деньгами, и мои подозрения усилились, несмотря на то что я все еще ни с кем ими не поделился.

Тем временем я организовал собственные тщательные поиски тела мистера Челнокса, которые, по достаточно веским соображениям, направил в места как можно более отдаленные от тех, куда мистер Друггинс завел свой отряд. Закончились они тем, что через несколько дней я наткнулся на старый высохший колодец, почти скрытый за кустами ежевики, на дне которого я и нашел то, что искал.

Мне случайно довелось услышать тот разговор двух друзей, когда мистер Друггинс ухитрился выудить у своего хозяина обещание подарить ему ящик «Шато Марго». На этом я и построил свой план. Я раздобыл упругий кусок китового уса, засунул его в горло трупа и поместил труп в старый ящик для вина, причем согнул тело так, чтобы китовый ус внутри него тоже согнулся пополам. При этом мне стоило больших трудов удерживать крышку на месте, пока я приколачивал ее к ящику. Конечно, я понимал, что, как только гвозди будут извлечены снова, крышка отлетит под напором распрямляющегося тела.

Приготовив таким образом ящик, я написал на нем адрес, поставил маркировку, упомянутую выше, написал письмо от имени виноторговца, с которым имел дела мистер Челнокс, и дал указания своему слуге по моему сигналу привезти ящик к дому мистера Друггинса. Ну а что касается слов, которые должен был произнести труп, тут уж я положился на свой талант чревовещателя, с их помощью я и рассчитывал вырвать у этого гнусного убийцы признание.

По-моему, объяснять больше нечего. Мистер Пошл был тут же отпущен, унаследовал дядюшкино состояние, усвоил полученный урок, перевернул страницу и начал новую счастливую жизнь.

Гилберт Кит Честертон

Загадочное исчезновение

Большие и светлые стеклянные двери приемной доктора Ориона Гуда, знаменитого криминолога и специалиста по определенным умственным расстройствам, выходили прямо на подступающее к Скарборо Северное море, которое казалось за ними одной бесконечной синевато-зеленой мраморной стеной. Причина, по которой морская гладь чем-то напоминала синевато-зеленые стенные панели, заключалась в совершенном порядке, который царил в комнатах, в холодной чистоте и спокойствии, почти не отличимых от морских. Не то, чтобы апартаменты доктора Гуда были совершенно лишены роскоши или даже некоторой поэтичности. Все это там было, разумеется, но создавалось такое впечатление, будто элементы эти были привнесены туда искусственно и держались под строгим контролем. Роскошь заключалась в следующем: восемь-десять коробок лучших сигар на специальном столе (правда, располагались они в продуманном порядке: самые крепкие поближе к стене, а самые легкие – ближе к окну). На этом же отведенном для роскоши столе присутствовали и три бутылки с превосходными винами на специальной подставке, хотя рядом с ними так же всегда можно было найти виски, бренди и ром. Поэтичность же заключалась в том, что левый угол комнаты занимали книжные полки с английскими классиками, собрание это было не менее полным, чем целая библиотека книг по медицине английских и зарубежных авторов, которая украшала правый угол. Впрочем, если бы кто-нибудь снял с полки томик Чосера или Шелли, образовавшаяся ниша в ряду раздражала бы взгляд так же, как щербина на месте переднего зуба. Нельзя сказать, что их никогда не читали. Возможно, и читали, но, глядя на них, складывалось такое впечатление, будто они прикованы к своим местам цепями, как Библии в старых церквях. Доктор Гуд относился к своим книжным полкам так, словно это была публичная библиотека. И если подобная строгая научная методичность охватывала даже полки с сонетами и балладами и столы с сигарами и выпивкой, то можно и не говорить, что на полках с книгами, необходимыми для работы, и остальных столах, на которых располагалась хрупкая, казавшаяся магической химическая и механическая утварь, неукоснительный порядок поддерживался с еще большим, поистине языческим фанатизмом.

Доктор Гуд расхаживал по анфиладе комнат, опоясанных (как говорится в школьных учебниках географии) с восточной стороны Северным морем, а с западной – полками со стройными рядами книг по социологии и криминологии. Одет он был, как художник, в бархатный костюм, однако без какого-либо намека на богемную небрежность. Волосы у него, хоть и седые, оставались густыми и здоровыми. На впалых щеках доктора горел румянец, словно он волновался в ожидании какого-то события. Вообще весь его вид, так же как вид его комнат,

оставлял ощущение покоя и одновременно вечного движения, как и само великое Северное море, на берегу которого (что было продиктовано исключительно заботой о здоровье) он построил свой дом.

Однако в эту самую минуту расшалившаяся судьба распахнула перед ним дверь и впустила в строгие, вытянувшиеся вдоль моря комнаты человека, который, возможно, представлял собой самую что ни на есть прямую противоположность как самому помещению, так и его хозяину. После быстрого, но вежливого стука дверь открылась внутрь, и в комнату ввалилась маленькая бесформенная фигурка, которой собственные шляпа и зонтик в руках, похоже, доставляли хлопот не меньше, чем сумки и чемоданы какому-нибудь опаздывающему на поезд пассажиру. Видавший виды простой черный зонтик напоминал бесформенный сверток; шляпа была черной с широкими загнутыми полями шляпой священника (в Англии такие редко увидишь); сам человек был живым воплощением простодушия и беспомощности.

Доктор посмотрел на гостя взглядом, полным сдержанного удивления; вероятно, на лице ученого появилось бы примерно такое же выражение, если бы в его комнату вдруг вползло какое-нибудь огромное, но явно безобидное морское чудище. Гость же глядел на доктора, сияя и отдуваясь, как какая-нибудь тучная экономка, которой только что удалось пропихнуться в омнибус: смесь довольства и торжества на лице с полнейшим беспорядком в одежде. Он уселся на стул, при этом шляпа его упала на ковер, а тяжелый зонтик, скользнув между коленей, грохнулся на пол. Потянувшись за шляпой и согнувшись пополам, чтобы поднять зонтик, священник с лучезарной улыбкой на круглом лице произнес следующее:

– Прошу прошения, меня зовут Браун. Я к вам по делу Мак-Набов. Я слышал, вы много раз помогали людям в подобных неприятностях. Тысяча извинений, если я ошибаюсь.

К этому времени он уже кое-как поднял шляпу (для чего принял довольно неуклюжую позу) и теперь, прижав ее к груди, коротко поклонился с таким видом, будто наконец-то навел во всем полный порядок.

– Я не знаю, о чем вы, – с холодной учтивостью ответил ученый. – Боюсь, вы ошиблись адресом. Я – доктор Гуд, и работа моя имеет почти исключительно письменный и образовательный характер. Да, полиция иногда обращается ко мне в особенно сложных и важных случаях, но…

– О, это дело чрезвычайной важности, – не дал ему договорить человечек по фамилии Браун. – Ее мать запрещает помолвку! – С этими словами он с многозначительным, но радостным видом откинулся на спинку стула.

Брови доктора Гуда хмуро сдвинулись, но глаза под ними заблестели, то ли зло, то ли насмешливо.

– И все же, – произнес он, – я не совсем понимаю, о чем вы.

– Дело в том, – сказал человек со шляпой священника, – что Мэгги Мак-Наб и юный Тодхантер хотят пожениться. Что может быть важнее этого?

Великие научные достижения Ориона Гуда лишили его многих вещей – к примеру, здоровья или веры, – но способность видеть и понимать абсурдность они пощадили. Услышав последнее замечание простодушного служителя церкви, он усмехнулся и с видом врача, встретившего занятного пациента, опустился в кресло.

– Мистер Браун, – серьезно произнес он, – прошло уже четырнадцать с половиной лет с тех пор, когда меня последний раз просили заняться делом частного порядка. Тогда речь шла о попытке отравления французского президента на банкете у лорд-мэра. Сейчас же, насколько я понимаю, вопрос заключается в том, является ли какая-то ваша знакомая по имени Мэгги подходящей партией для другого вашего знакомого по фамилии Тодхантер. Что ж, мистер Браун, я человек азартный и берусь за это дело. Семья Мак-Набов получит совет такой же ценный, как и тот, что я дал Французской республике и английскому королю… нет, даже ценнее, на четырнадцать лет ценнее. Сегодня у меня как раз свободный день. Рассказывайте.

Маленький священник от души поблагодарил его, но по-прежнему с каким-то простоватым видом, так можно было бы благодарить соседа в курительной комнате за спички, а не, скажем, куратора Королевского ботанического сада, который согласился сходить с вами на лужок поискать клевер с четырьмя лепестками (что было намного ближе к истине). Итак, высказав благодарность, коротышка тотчас перешел к рассказу:

– Как я уже сказал, моя фамилия – Браун… Да, и я – священник маленькой католической церкви, вы наверняка ее видели за теми неприглядными улочками ближе к северной окраине города. На самой дальней и самой неприглядной из этих улиц, которая тянется вдоль моря, как волнолом, живет с дочерью и сыновьями одна моя прихожанка, очень честная, но довольно несдержанная натура, вдова по фамилии Мак-Наб. Она сдает комнаты. И вот, она с дочерью… Вернее, она с постояльцами… Пожалуй, я лучше расскажу об обеих сторонах подробнее. Сейчас у нее живет только один постоялец, молодой человек по фамилии Тодхантер, но он доставляет ей хлопот больше, чем все ее бывшие постояльцы вместе взятые, потому что хочет жениться на младшей из женщин, живущих в доме.

– А младшая из женщин, – спросил доктор Гуд, едва сдерживая улыбку, – чего хочет она?

– А она хочет выйти за него! – воскликнул отец Браун, возбужденно подавшись вперед. – В этом-то и состоит ужасное затруднение.

– Действительно, слыханое ли дело! – согласился доктор Гуд.

– Этот юный Джеймс Тодхантер, – продолжил клирик, – насколько я знаю, очень достойный молодой человек, хотя, конечно, утверждать этого я не могу. Это невысокий парень, с приятным открытым лицом, брюнет, подвижный, как обезьяна, всегда чисто выбрит, как актер, и вежлив, как прирожденный светский лев. И деньги у него, похоже, водятся, но никто не знает, чем он зарабатывает. Поэтому миссис Мак-Наб (женщина по натуре подозрительная) уверена, что это что-то ужасное, возможно, даже связанное с динамитом. Но динамит у него, должно быть, какого-то безобидного и беззвучного сорта, потому что бедняга всего лишь каждый день на несколько часов закрывается в своей комнате и что-то там изучает. Он утверждает, что вся эта таинственность временная и оправданная и обещает обо всем рассказать до свадьбы. Это то, что всем известно наверняка, но миссис Мак-Наб готова рассказать еще много чего интересного, даже из того, в чем она совершенно не уверена. Вы же знаете, как быстро появляются слухи, когда есть что-то эдакое, таинственное. Поговаривают, якобы кто-то слышал два голоса за закрытой дверью, хотя, когда дверь в комнату Тодхантера открыта, там ни разу не видели посторонних. Еще рассказывают, что однажды в сумерках из дымки над морским берегом (а точнее, даже из самого моря) появился таинственный высокий мужчина в шелковом цилиндре, мягко пройдя по песку,

он через маленький задний сад вышел во двор дома, чтобы поговорить с постояльцем через открытое окно его комнаты (голоса их тоже якобы кто-то слышал). Та беседа, кажется, закончилась ссорой. Тодхантер в ярости захлопнул окно, а мужчина в цилиндре снова растворился в морской дымке. Об этом случае семья рассказывает, как о страшной тайне, но мне кажется, миссис Мак-Наб все-таки предпочитает другую историю, собственного сочинения: по ночам из большого ящика в углу комнаты, который днем всегда заперт, вылезает какой-то другой человек, ну, или не человек, она этого не знает. В общем, вы видите, что за запертой дверью своего постояльца они готовы увидеть все чудеса и ужасы «Тысячи и одной ночи». Хотя живет в ней всего лишь невысокий паренек в строгом черном пиджачке, пунктуальный и безобидный, как часы в гостиной. Платит он всегда минута в минуту, почти не пьет, обожает маленьких сыновей хозяйки, которые его так любят, что готовы возиться с ним дни напролет. Но, что сейчас самое главное, не меньше чувств он сумел вызвать и у старшей дочери, которая согласна идти с ним в церковь хоть завтра.

Человек, решающий большие вопросы при помощи серьезных теорий, всегда находит удовольствие в том, чтобы применять свои навыки к мелочам. Крупный ученый, снизойдя до простоты священника, снизошел до нее со всей основательностью. Устроившись поудобнее в кресле, он заговорил с видом рассеянного лектора:

– Даже в мельчайших примерах лучше всего – первым делом обратить внимание на главные законы природы. В начале зимы можно найти живой цветок, но цветы умирают. На берегу можно отыскать сухой голыш, тем не менее прибои существуют. С точки зрения ученых вся человеческая история является цепочкой движений людских масс – их гибель или миграция, как смерть насекомых зимой или возвращение птиц весной. И в основе всей истории лежит раса. Различные расы порождают различные верования, законы и этические принципы. Лучший тому пример – дикий, оторванный от остального мира, исчезающий народ, который мы обычно называем кельтами.
Его представителями являются и ваши друзья Мак-Набы. Невысокие смуглокожие люди, спокойные и ленивые, они легко поддаются суеверию и в самых обычных происшествиях видят вмешательство потусторонних сил, точно так же как они принимают на веру (простите, святой отец) все сверхъестественные объяснения тех событий, которые представляете вы и ваша церковь. Нет ничего удивительного в том, что такие люди, когда с одной стороны загадочно шумит море, а с другой (простите еще раз) – бубнит проповедник, наделяют самыми фантастическими свойствами то, что на самом деле, скорее всего, является обычными житейскими делами. Вы, как человек,

наделенный только своими маленькими приходскими обязанностями, сталкиваетесь всего лишь с одной такой миссис Мак-Наб, напуганной всеми этими россказнями о двух голосах и появляющемся из моря высоком господине. Но человек, наделенный научным воображением, видит таких вот разбросанных по всему миру Мак-Набов единым целым, как какой-нибудь вид птиц например. Он видит тысячи Мак-Набов в тысячах домов, каждый из которых добавляет свою капельку кельтской суеверности в чашку чая соседа или соседки.
Он видит…

Прежде чем ученый закончил предложение, с улицы раздался еще один, на этот раз более нетерпеливый призыв, кого-то в шуршащих юбках торопливо провели по коридору, открылась дверь, за которой показалась молодая девушка, прилично одетая, но несколько несобранная. Лицо девушки горело от спешки, светлые волосы растрепал морской ветер, но, если бы не шотландская угловатость скул и смуглость, ее можно было бы назвать настоящей красавицей. Извинения ее прозвучали отрывисто, почти как приказ.

– Простите, что прерываю, сэр, – сказала она, – мне необходимо немедленно поговорить с отцом Брауном. Вопрос жизни и смерти.

Отец Браун начал нескладно подниматься.

– Что-то случилось, Мэгги? – произнес он.

– Джеймс убит, это все, что мне пока известно, – ответила девушка, все еще тяжело дыша после спешки. – С ним снова был этот Ронил, я совершенно отчетливо слышала через дверь, как они разговаривали. Это были два разных голоса, Джеймс ведь разговаривает тихо и немного картавит, а у того второго голос был высоким и дрожащим.

– Этот Ронил? – недоуменно повторил священник.

– Да-да, Ронил. Я узнала, как его зовут, – второпях воскликнула девушка. – Я услышала, через дверь. Они ссорились… из-за денег, по-моему. Мне показалось, Джеймс несколько раз повторил: «Верно, мистер Ронил» или «Нет, мистер Ронил», и еще «Два, три, мистер Ронил». Но прошу вас, хватит разговаривать, пойдемте же скорее, мы еще можем успеть.

– Куда успеть? – поинтересовался доктор Гуд, который с большим любопытством наблюдал за девушкой. – Чем мистер Ронил и его деньги вызвали такую спешку?

– Я попыталась открыть дверь, однако она была заперта, – коротко ответила девушка. – Тогда я побежала на задний двор, куда выходит его окно, и забралась на подоконник. В его комнате было темно, но клянусь, я увидела Джеймса, он лежал в углу, весь съеженный, как будто его накачали наркотиком или задушили.

– Это очень серьезно, – мрачно произнес отец Браун, поднимая свои вечно выскальзывающие из рук шляпу и зонтик. – Кстати, я как раз рассказывал о вашем деле этому джентльмену, и его мнение…

– Сильно изменилось, – задумчиво произнес ученый. – В этой юной леди намного меньше кельтского, чем я предполагал. Мне сейчас все равно нечем заняться, поэтому я готов пойти в город с вами. Позвольте только надеть шляпу.

Через несколько минут все трое уже подходили к концу узкой невзрачной улицы, на которой жили Мак-Набы. Девушка шагала решительной походкой горца, дыша глубоко и ровно, криминолог шел размеренной походкой, как бы с ленцой, хотя в движениях его чувствовалась ловкость леопарда, священник же просто семенил за ними, изо всех сил стараясь не отставать. Эта окраина города в самом деле выглядела довольно тоскливо и навевала мрачные мысли, в полном соответствии со словами доктора. Разрозненные дома выстроились вдоль морского берега прерывистой линией, и, чем дальше от центра города, тем расстояние между ними увеличивалось. Над улицей сгущались преждевременные сумерки, кое-где подсвеченные невидимым закатом. Чернильно-фиолетовое море нашептывало что-то зловещее. Над запущенным задним садом Мак-Набов, который выходил прямо на песочный берег, торчали два черных голых дерева, словно руки демона, воздетые в изумлении к небу, и когда на улице навстречу путникам ринулась растревоженная миссис Мак-Наб, точно так же, расставив тощие руки, с лицом, скрытым тенью, она сама была немного похожа на демона. Доктор и священник почти ничего не говорили, слушая, как она, задыхаясь, повторяет рассказ дочери, сдабривая его новыми ужасающими подробностями и клятвенными заверениями отомстить и мистеру Ронилу за убийство, а мистеру Тодхантеру за то, что его убили, или последнему за то, что он осмелился захотеть жениться на ее дочери, а сам, видите ли, умер. Через узкий коридор они прошли от парадной до двери в комнату постояльца в глубине дома. Там доктор Гуд движением заправского сыщика приложил

плечо к панели и выдавил дверь.

В комнате было тихо и жутко. С первого взгляда стало понятно, что здесь произошла какая-то трагедия с участием двух, а то и больше людей. На столе и вокруг на полу беспорядочно были разбросаны карты, как будто игра была неожиданно прервана. На небольшом столике стояли два пустых винных стакана, но третий, разбитый, рассыпался по ковру осколками, что чем-то напоминало звездное небо. В паре футов от него лежало что-то вроде длинного ножа или короткого прямого палаша с украшенной узорами рукояткой. Широкое лезвие поблескивало, отражая призрачный свет, проникающий в комнату через серое окно, за которым на фоне свинцовой шири моря чернели стволы деревьев. Ближе к дальнему углу комнаты лежал на боку шелковый мужской цилиндр, создавая впечатление, будто его только что, буквально какую-то секунду назад, сбили с чьей-то головы, казалось даже, что он все еще покачивается. А в самом углу за ним бесформенной кучей, напоминающей мешок картошки, но связанный, как дорожный чемодан на вокзале, лежал мистер Джеймс Тодхантер. Рот его был обмотан шарфом, шесть или семь веревок стягивали локти и лодыжки. Карие глаза его блестели и бегали из стороны в сторону. Он был жив.

Доктор Орион Гуд на какой-то миг задержался на коврике перед дверью, словно втягивая в себя запах трагедии, потом быстро прошел по ковру, поднял шелковый цилиндр и, не произнося ни слова, надел его на голову связанного Тодхантера. Головной убор оказался настолько велик, что съехал ему почти на плечи.

– Шляпа мистера Ронила, – сказал доктор, снова взяв цилиндр в руки и начав рассматривать его внутреннюю сторону через карманную лупу. – Хм, как же так? Шляпа мистера Ронила есть, а самого мистера Ронила нет! Он ведь не из тех, кто беспечно относится к своей одежде. Цилиндр модного фасона, хоть и не очень новый, чистится и натирается регулярно. Думаю, мы имеем дело с франтом.

– Боже мой! Может быть, вы сперва развяжете несчастного? – глядя на связанного, вскричала мисс Мак-Наб.

– Я намеренно употребил слово «старый», хотя полной уверенности у меня нет, – продолжил истолкователь. – Причина, заставившая меня принять это решение, может показаться несколько надуманной, но я объясню. Видите ли, человек

теряет волосы постоянно, хоть и выпадают они в различной степени, в зависимости от самых разных обстоятельств. Линзой я воспользовался для того, чтобы увидеть мельчайшие волоски на этой шляпе, которая совсем недавно сидела на чьей-то голове, но я их не обнаружил, из чего следует, что мистер Ронил лыс. Далее, если сопоставить это с тем высоким и недовольным голосом, который так ярко описала мисс Мак-Наб (терпение, дорогая леди, терпение), если сопоставить лысую голову с тоном, обычным при старческом раздражении, то, я думаю, мы вправе предположить преклонный возраст. Более того, этот человек, возможно, еще полон жизненных сил и почти наверняка высок ростом. Я до некоторой степени доверяю рассказу о предыдущем появлении под окном высокого мужчины в цилиндре, но у меня есть и более веские основания для подобных выводов. Посмотрите, осколки этого стакана разлетелись по всему полу, но один из них лежит на вот этой высокой полочке рядом с камином. Этот фрагмент не мог попасть туда, если бы сосуд был разбит в руке такого сравнительно невысокого человека, как мистер Тодхантер.

– Кстати, – вставил отец Браун, – может быть, все-таки развязать мистера Тодхантера?

– Но это еще не все, о чем может нам рассказать этот сосуд для питья, – продолжал наблюдения специалист. – Я могу сразу сказать, что причиной облысения и нервности этого Ронила могла явиться не старость, а легкомысленный образ жизни. Мистер Тодхантер, как мы знаем, человек спокойный, скромный и, что самое главное, непьющий. Эти карты и вино не являются чем-то для него привычным. Они появились здесь специально для какого-то определенного гостя. Впрочем, в своих выводах мы можем пойти даже дальше. Перед нами винный сервиз мистера Тодхантера, но я нигде не вижу вина. Для чего же тогда предназначались эту сосуды? Я берусь сразу предположить, что для бренди или виски, возможно, лучшего сорта, из фляжки, которую наверняка принес с собой мистер Ронил. Таким образом, мы получаем нечто вроде портрета этого человека, или, по крайней мере, можем представить себе его в общих чертах: высокий, немолодой, одет элегантно, хотя и не с иголочки, наверняка игрок и любитель выпить. Такие люди, как мистер Ронил, – не редкая птица на задворках общества.

– Знаете что! – закричала тут младшая из женщин. – Если вы сейчас же не пропустите меня и не позволите его развязать, я выбегу на улицу и позову полицию!

– Я бы вам не советовал, мисс Мак-Наб, спешить с полицией, – веско произнес доктор Гуд. – Отец Браун, я настоятельно прошу вас успокоить своих прихожан, это в их интересах, не в моих. Итак, мы кое-что узнали о мистере Рониле, что же нам известно о мистере Тодхантере? В первую очередь, три обстоятельства: во-первых, он бережлив, во-вторых, более-менее богат, и, в-третьих, у него есть какая-то тайна. Нельзя не заметить, что это как раз те три качества, которые характерны для жертв шантажа. И точно так же очевидно, что потускневший лоск, разгульные замашки и нескрываемое раздражение мистера Ронила являются очевидными признаками шантажиста. Перед нами классический пример вымогательства: с одной стороны – уважаемый достойный человек, имеющий какую-то тайну, с другой – вэст-эндский стервятник, за милю чувствующий, где можно поживиться. Сегодня здесь эти двое встретились и поссорились, дошло до рукоприкладства, пошло в ход даже оружие.

– Вы вообще собираетесь снимать с него веревки? – совсем распалилась девушка.

Доктор Гуд аккуратно поставил шелковый цилиндр на маленький столик и подошел к связанному. Он его внимательно осмотрел, даже немного подвинул, слегка повернул и заглянул за спину, но ответил просто:

– Нет. Я думаю, веревки завязаны вполне надежно. Пусть он так полежит, пока не прибудут ваши друзья полицейские с наручниками.

Отец Браун, который до сих пор рассеянно смотрел на ковер, поднял круглое лицо и спросил:

– Что вы имеете в виду?

Прежде чем ответить, ученый поднял кинжал.

– Увидев мистера Тодхантера, – сказал он, пристально изучая оружие, – все вы сразу решили, что это мистер Ронил его связал, после чего, надо полагать, сбежал. Но у меня есть четыре возражения. Первое. Почему такой любящий нарядно одеваться джентльмен, как наш друг Ронил, оставил здесь свой цилиндр, если ушел по собственной воле? Второе, – продолжил он, перемещаясь к окну. – Это единственный выход, и он заперт изнутри. Третье. На лезвии имеется пятнышко крови, на самом кончике, но сам мистер Тодхантер как будто

не пострадал. Рану унес с собой мистер Ронил, живой или мертвый. Добавьте к этому простую логику. Стал бы шантажист убивать курицу, несущую золотые яйца? Скорее, жертва вымогателя могла бы попытаться убить своего мучителя. По-моему, все понятно.

– А веревки? – спросил священник, который слушал доктора с крайним интересом, даже с восторгом, но с каким-то отсутствующим лицом.

– Ах, да, веревки, – произнес эксперт трудноопределимым тоном, – мисс Мак-Наб очень хотелось узнать, почему я не развязал мистера Тодхантера. Ну что ж, я объясню. Я не сделал этого, потому что мистер Тодхантер вполне может освободиться сам, когда пожелает.

– Что? – разом воскликнули все, кто был в комнате, правда, с очень разной интонацией.

– Я осмотрел все узлы на мистере Тодхантере, – спокойно пояснил Гуд, – и, поскольку я в них кое-что смыслю – в криминологии есть целая отрасль, изучающая их, – у меня нет ни малейшего сомнения, что все они завязаны самим мистером Тодхантером, и он может развязать их в любую минуту. Ни один из этих узлов не был завязан руками его врага. Все это – хитрая подделка, которая понадобилась для того, чтобы заставить нас думать, будто жертвой является он, а не несчастный мистер Ронил, труп которого может быть спрятан где-нибудь в саду или в каминной трубе.

Наступило тяжелое молчание. В комнате уже стало довольно темно, черные на фоне моря ветви деревьев в саду казались еще чернее, еще тоньше и словно приблизились к окну. Кому-то они могли бы даже напомнить морских чудовищ, кракенов[47 - Скандинавское мифическое морское чудовище, изображавшееся в виде живого острова или огромного осьминога.] или каракатиц, с извивающимися щупальцами, которые выползли из воды и собрались вокруг дома, чтобы посмотреть, чем закончится эта трагедия, так же, как когда-то сам ужасный человек в цилиндре, злодей и жертва в одном лице, вышел из моря. Оно и понятно, потому что в воздухе ощущалось тягостное присутствие шантажа, самого отвратительного из людских грехов, поскольку это преступление, которое покрывает другое преступление, черный пластырь, закрывающий еще более черную рану.

Лицо маленького католического священника, которое обычно казалось самодовольным, даже смешным, вдруг посерьезнело, брови насупились. Но это не было простым выражением удивления. Это выражение, появляющееся на лице человека, который вот-вот готов ухватить какую-то очень важную мысль.

– Простите, я не понял, – просто сказал он озабоченным голосом. – Вы хотите сказать, что Тодхантер может сам себя связать и развязать в любую минуту?

– Именно это я и хочу сказать, – ответил доктор.

– Святой Иерусалим! – вскричал вдруг Браун. – Неужели это возможно?

Он скачками, как заяц, бросился через всю комнату, с неожиданной ловкостью склонился и всмотрелся в наполовину закрытое шарфом лицо связанного. После этого повернул свое, довольно глуповатое лицо к компании.

– Да, все верно! – возбужденно воскликнул он. – Но посмотрите на его лицо! Вы разве не видите? Посмотрите же на его глаза!

И профессор, и девушка одновременно посмотрели туда, куда указывал священник. Хоть широкий черный шарф и скрывал нижнюю часть физиономии Тодхантера, они все же разобрали, что верхняя ее часть как-то неестественно напряжена и искажена.

– И впрямь глаза какие-то странные, – озабоченным голосом произнесла молодая женщина. – Да что же это такое? Вы что, звери? Ему же больно!

– Нет, непохоже, – возразил доктор Гуд. – В самом деле, довольно необычное выражение. Но я бы объяснил эти поперечные складки у его глаз небольшим психологическим отклонением, которое…

– Да о чем вы говорите?! – чуть ли не рассердился отец Браун. – Вы что не видите? Он же смеется!

– Смеется! – удивленно вздрогнув, повторил доктор. – Но над чем он может смеяться?

– Ну, – уже извиняющимся тоном произнес преподобный Браун, – мне бы не хотелось заострять на этом внимание, но, по-моему, он смеется над вами. А знаете, теперь, когда я понял, я и сам готов посмеяться над собой.

– Когда вы поняли что? – несколько несдержанно поинтересовался Гуд.

– Я понял, чем занимается мистер Тодхантер, – ответил священник.

Он обозрел комнату каким-то бессмысленным взглядом, останавливая взгляд то на одном, то на другом предмете, потом не удержался и так же непонятно рассмеялся, к немалому раздражению тех, кто за ним наблюдал. Особенно его развеселил цилиндр, еще больше – разбитый стакан, но кровь на кончике палаша довела его прямо-таки до конвульсий. Отсмеявшись, он повернулся к доктору, который наблюдал за ним, то краснея, то бледнея от гнева.

– Доктор Гуд, – восхищенно воскликнул отец Браун. – Вы – великий поэт! Вам из ничего удалось сотворить нечто новое. Это сосем не то, что просто докопаться до истины, это почти богоподобно! И поверьте, по сравнению с вашими догадками, истина в этом деле намного проще и куда веселее.

– Я понятия не имею, о чем вы, – холодно произнес доктор Гуд. – Все мои выводы неизбежны и, не стану отрицать, не полны. Да, кое-что мне подсказало чутье (или поэтичность, если вы предпочитаете это так называть), но только потому, что соответствующие подробности установить невозможно. В отсутствие мистера Ронила…

– Верно-верно, – маленький священник, энергично покивал. – Это первое, с чем нужно разобраться, отсутствие мистера Ронила. Его отсутствие настолько полно, – призадумавшись, добавил он, – что, наверное, еще никто никогда так не отсутствовал, как отсутствует мистер Ронил.

– Вы предполагаете, что его уже нет в городе? – сдержанно осведомился доктор.

– Я предполагаю, что его просто нет, – ответил отец Браун. – Что он, так сказать, отсутствует в материальном мире.

– Вы что же, в самом деле, полагаете, – улыбнулся ученый, – что этого человека не существует?

– Как ни жаль! – вздохнул священник.

Орион Гуд разразился безудержным смехом.

– Что ж, – наконец, успокоившись, произнес он, – у меня есть тысяча доказательств обратного, но, прежде чем мы их рассмотрим, давайте-ка вспомним первое, что нам бросилось в глаза, когда мы проникли в комнату. Если мистера Ронила не существует, чья же это шляпа?

– Мистера Тодхантера, – ответил отец Браун.

– Но ведь она не подходит ему по размеру! – раздраженно воскликнул Гуд. – Он бы просто не смог ее носить!

Отец Браун с бесконечной кротостью покачал головой.

– Я не говорил, что он ее носит, – сказал он. – Я сказал, что это шляпа мистера Тодхантера. Или, если вы так настаиваете на разнице в оттенках значений, эта шляпа принадлежит ему.

– И в чем же заключается разница? – презрительно фыркнул криминолог.

– Дорогой сэр, – в голосе маленького человечка послышались раздраженные нотки, – если вы потрудитесь пройти до ближайшего шляпного магазина, вы увидите, что существует определенная разница между шляпами, которые человек носит, и шляпами, которые ему принадлежат.

– Но торговцу шляпами новые шляпы нужны для того, чтобы зарабатывать, – возразил Гуд. – А этот старый цилиндр, что он может дать Тодхантеру?

– Кроликов, – быстро ответил отец Браун.

– Что?! – изумился доктор Гуд.

– Кроликов, ленты, конфеты, серпантин, – скороговоркой перечислил священник. – Неужели вы не поняли этого, когда увидели фальшивые веревки? А кинжал? На мистере Тодхантере нет ни царапины, как вы правильно заметили. Рана у него внутри, если вы меня правильно понимаете.

– Вы имеете в виду, что рана мистера Тодхантера скрыта одеждой? – насторожено спросила миссис Мак-Наб.

– Я не имею в виду, что она у него под одеждой, – ответил отец Браун. – Я имею в виду, что она внутри него самого.

– Да как же это понимать-то?

– Мистер Тодхантер, – спокойно пояснил отец Браун, – хочет стать профессиональным фокусником, а также жонглером, чревовещателем и мастером освобождения из пут. Цилиндр ему нужен для фокусов, и волос на нем нет не потому, что его носит преждевременно полысевший мистер Ронил, а потому что его вообще никто никогда не надевал на голову. С тремя стаканами мистер Тодхантер тренировался жонглировать, но, поскольку он еще не слишком умел, один из стаканов он разбил о потолок. Ну и, как фокусник, он, разумеется, просто обязан уметь глотать шпаги, но опять же, поскольку мистер Тодхантер еще только учится, во время тренировки он слегка поцарапал внутреннюю часть горла, но, насколько я могу судить по выражению его лица, рана у него не серьезная. Он как раз репетировал трюк братьев Давенпорт[48 - Знаменитые американские братья-фокусники, жившие в XIX в., которые давали представления во многих городах США и уверяли зрителей, что выбраться из пут и веревок им помогают потусторонние силы.] – освобождение от веревок, – когда мы ворвались в его комнату. Карты тоже нужны для фокусов, они разбросаны по полу, потому что он только что тренировался перебрасывать их по воздуху. Мистер Тодхантер никому не рассказывал, чем занимается, только потому, что, как любой фокусник, не хотел, чтобы кто-либо узнал секреты его трюков. Но того случая, когда какой-то совершенно посторонний господин в цилиндре заглянул к нему в окно и он в негодовании прогнал его, оказалось достаточно, чтобы догадки наши сразу же устремились в другую, куда более романтическую сторону, и чтобы мы решили, будто жизнь его омрачает присутствие некоего на самом деле не существующего мистера Ронила в шелковом цилиндре.

– Но как же два голоса? – растерянно спросила Мэгги.

– Вам не приходилось слышать, как разговаривают чревовещатели? – поинтересовался отец Браун. – Неужели вы не знаете, что сначала они говорят своим обычным голосом, а потом отвечают сами себе именно таким высоким, скрипучим неестественным голосом, который вы слышали?

Долго никто не произносил ни слова. Доктор Гуд внимательно рассматривал священника с хмурой усмешкой.

– Вам бы романы писать, – наконец сказал он, – с вашим-то воображением. Только вы забыли об одном. У якобы несуществующего господина в цилиндре есть фамилия – Ронил, и мисс Мак-Наб отчетливо слышала, как мистер Тодхантер произносил ее.

Преподобный Браун как-то по-детски захихикал.

– Это, – сказал он, – самое смешное во всей этой смешной истории. Когда наш жонглер поочередно подбрасывал в воздух три стакана, он считал, когда каждый из них ложился ему в руку или падал. На самом деле произносил он примерно следующее: «Один, два, три… Уронил. Один, два… Уронил», и так далее.

Снова в комнате ненадолго наступила тишина, а потом все разом захохотали. Тут фигура в углу легко сбросила с себя веревки, те кольцами упали на пол, фокусник вышел на середину комнаты, поклонился, достал из кармана и развернул большую сложенную в несколько раз афишу, объявлявшую о том, что первое представление новой программы знаменитого ЗАЛАДИНА, величайшего в мире фокусника, гуттаперчевого акробата, чревовещателя и человека-кенгуру, начнется в «Импайр-павильон», Скарборо, в следующий понедельник ровно в восемь часов пополудни.

Дуэль доктора Хирша

Месье Морис Брюн и месье Арман Арманьяк бодро, но не теряя важности, пересекали залитые солнцем Елисейские Поля. Оба они были невысокого роста, подвижные и лысые. И у обоих были черные, казавшиеся совершенно

неуместными бородки, подстриженные на тот странный французский манер, по которому любая растительность на лице должна казаться накладной. У месье Брюна бородка имела форму клинышка и росла из-под самой нижней губы. У месье Арманьяка, как будто специально, чтобы чем-то отличаться от спутника, было сразу две бородки, торчащие по углам внушительного подбородка. Оба мужчины были еще молоды. Оба были атеистами, непреклонными в своих взглядах, но весьма непостоянными в их выражении. Оба были студентами великого доктора Хирша, ученого, публициста и моралиста.

Месье Брюн снискал себе определенную известность своим предложением удалить из классической французской литературы обычное слово прощания «Adieu»[49 - Корень слова «Adieu» (до свидания) – «Dieu» (Бог).], а за его употребление в разговорной речи взимать небольшой штраф. «Вот тогда, – говорил он, – человек наконец перестанет слышать по двадцать раз на день имя этого воображаемого Бога». Месье Арманьяк, которому ближе был вопрос о противостоянии милитаризму, предлагал заменить в «Марсельезе» слова «Aux armes, citoyens»[50 - «К оружию, граждане» (фр.).] на «Aux gr?ve, citoyons»[51 - «На забастовки, граждане» (фр.).]. Впрочем, его миролюбие было по натуре истинно французским. Когда один видный и очень богатый английский квакер[52 - Квакеры – протестантское религиозное течение, проповедующее благотворительность и пацифизм.] приехал к нему, чтобы разработать подробный план разоружения всей планеты, он был немало озадачен тем, что Арманьяк предложил начать с того, что солдаты должны расстрелять своих офицеров.

И в этом заключались главные отличия этих молодых мужчин от их учителя и духовного наставника. Доктор Хирш, хоть и родился во Франции, где и снискал огромную славу на ниве образования, был человеком совсем иного склада – мягкий, непрактичный и добрый, вопреки своим скептическим взглядам, он не был лишен определенного трансцендентализма. Короче говоря, он был больше похож на немца, чем на француза, и, как бы ни уважали его эти двое галлов, где-то в глубине души они испытывали к нему что-то вроде презрения за то, что его призывы к миру носили такой мирный характер. Однако для всех остальных его приверженцев, разбросанных по всей Европе, Поль Хирш был святым от науки. Его всеобъемлющие и смелые теории привлекали к нему все новых и новых последователей, которые находили пример для подражания в его аскетической жизни и невинной (хоть и несколько холодно-безразличной) нравственности. Это был своего рода Дарвин и Толстой в одном лице. Но он не был ни анархистом, ни космополитом. В отношении разоружения доктор Хирш придерживался довольно умеренных взглядов, которые были подвержены

изменениям. Правительство республики именно ему доверило решение некоторых вопросов, связанных с химией. Не так давно он даже изобрел бесшумную взрывчатку, технологию изготовления которой власти держали в строжайшей тайне.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Иеремия Бентам (1748–1832) – английский философ и моралист. «Иеремиадой о ростовщичестве» автор называет его трактат «Защита ростовщичества» (1787). (Здесь и далее прим. перев.)

2

Джон Нил (1793–1876) – американский писатель, в своей газете «Янки» отстаивал идеи Бентама.

3

По в шутку подразумевает библейского пророка Иеремию, который жил в Иерусалиме и не раз предостерегал иудеев от вероломства и бесчестия.

4

Название стихотворения Роберта Бернса.

5

В душе, без формального подтверждения (итал.).

6

Псевдоним американского поэта Томаса Уорда (1807–1873).

7

«Ты не отгонишь ее, как пса от засаленной шкуры». (Гораций. Сатиры, II, 5, 83.)

8

По преданию Александр Великий, встретившись с философом Диогеном, когда тот попросил его отойти в сторону, чтобы не загораживать лучи солнца, произнес: «Если бы Александр не был Александром, он хотел бы быть Диогеном».

9

Возможно, автор обыгрывает выражение Frei Herren (по-английски free-man), как в Америке в 1839–1864 гг. называли выкупленного или бежавшего с Юга раба, который жил в одном из свободных штатов.

10

Дик Терпин (1706–1739) – знаменитый английский разбойник.

11

Даниел О’Коннел (1775–1847) – лидер либерального крыла ирландского освободительного движения.

12

Шарлотта Сьюзен Мария Бэри (1775–1861) – английская писательница, славившаяся своей красотой.

13

Древний город близ Неаполя, место отдыха знатных римлян, известный легкостью царивших там нравов.

14

На основании общих положений, принимаемых за истинные (лат.).

15

Лакомство (фр.).

16

Секретер (фр.).

17

Типичный, характерный (фр.).

18

«Не найден» (лат.) – отметка на повестке о невозможности ее вручения или сообщение полицейского о невозможности арестовать обвиняемого.

19

Нелепым, вычурным (фр.).

20

Барельеф (фр.).

21

Необычный, странный (фр.).

22

Правило нахождения неизвестного члена пропорции.

23

На языке оригинала господа Пир и Горой зовутся Cut и Comeagain. По-английски устойчивое сочетание слов «cut and come again» имеет примерно тот же смысл, что русское «пир горой» или «гостеприимство». В то же время автор, возможно, намекает на доктора Кутанкумагена, персонажа диккенсовского «Полного отчета о первом съезде Мадфогской ассоциации».

24

Кикапу – индейское племя, обитавшее на территории современных штатов Висконсин и Иллинойс.

25

Nemine contradicente (лат.) – единогласно.

26

Перводвигателей (лат.).

27

Френология – учение о локализации отдельных психических способностей в различных участках мозга.

28

Независимо от опыта (лат.).

29

Первопричин (лат.).

30

Иоганн Кристоф Шпурцгейм (1776–1832) – немецкий френолог.

31

По опыту (лат.).

32

Движущая сила (фр.).

33

Искаженное немецкое Motivirrtum – ошибка в определении мотива поведения.

34

Петух (фр.).

35

Должностное лицо округа, изучающее причины смерти при вызывающих подозрение обстоятельствах.

36

Герой древнегреческих мифов, разгадавший загадку Сфинкса.

37

Вместе, сообща (фр.).

38

Неувязок (фр.).

39

Неуместностей – производное от французского mal ? propos.

40

Кэтрин Грейс Гор (1799–1861) – английская писательница. «Сесил, или Приключения фата» (1841) – ее самый известный роман.

41

Вильям Бекфорд (1760–1844) – английский писатель.

42

Эдуард Джордж Булвер-Литтон (1803–1873) – английский писатель.

43

Вильям Гаррисон Эйнсворт (1805–1882) – английский писатель.

44

Легкий ужин (фр.).

45

Сокр. от nemine contradicente – единогласно (лат.).

46

Вторая книга Царств 12:7.

47

Скандинавское мифическое морское чудовище, изображавшееся в виде живого острова или огромного осьминога.

48

Знаменитые американские братья-фокусники, жившие в XIX в., которые давали представления во многих городах США и уверяли зрителей, что выбраться из пут и веревок им помогают потусторонние силы.

49

Корень слова «Adieu» (до свидания) – «Dieu» (Бог).

50

«К оружию, граждане» (фр.).

51

«На забастовки, граждане» (фр.).

52

Квакеры – протестантское религиозное течение, проповедующее благотворительность и пацифизм.

Купить: https://tellnovel.com/gilbert-chesterton/cherniy-kot-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити